

Поиск

Глава первая

Иногда мне кажется, что голова моя лопнет и из неё что-то посыплется. Мячики мыслей, ниточки мозгов или ещё что-нибудь такое же малосимпатичное.

Есть такие лизуны в сеточке, с шариками внутри. Сожмёшь в кулаке — шарики, обтянутые лизуном, вылезут. Разожмёшь — втянутся обратно. Вот у меня также: будто кто-то сжимает мою голову, полную мыслей, и они, не выдерживая давления, вылезают наружу.

Дневник что ли завести, чтобы было не так сложно держать всё в голове... Буду, как Лев Толстой. Точнее, как Софья Андреевна. Писать каждый день, наверное, не соберусь, да и незачем. Хотя хорошо иметь место, куда можно слить мысли, как в Омут памяти. А то вдруг стану знаменитой, и кому-то будет важно, как я росла. Так что начала бы я свой дневник по-серьёзному.

Меня зовут Александра Литвинова. Мне шестнадцать лет. Глаза зелёно-карие, волосы русые, ниже лопаток. Рост 167 см, вес 49 кг. Грудь нет, попа есть, а хотелось бы наоборот. Ну, или хотя бы более равномерно. Парня тоже нет. Не уверена, что хотелось бы.

Я хочу стать модельером, или художником, или дизайнером украшений. Я здорово рисую, мне все говорят. Да я и сама вижу. Придумываю модели одежды, серёжки-кулончики девочкам делаю, ещё всякое люблю мастерить.

Вообще, началось всё с меха. Я на YouTube нашла ролик, как сделать амулет: кожа, бисер, мех по краю, свисающие кожаные шнуры, тоже с меховушками на конце. Не то чтобы я верю в амулеты, просто красивый. Люблю необычное делать.

Ну вот, и я у мамы спросила, нет ли у нас случайно кусочков меха. Она велела посмотреть на антресолях, там вроде пакет с меховыми обрезками валялся. Я зависла, соображая, где в нашей квартире антресоли.

— На полочке в кладовке, которая над коридором. Полочка, в смысле. Над коридором.

Наконец до меня дошло. Потопала на кухню за табуреткой, потом в кладовку, заваленную всяким хламом.

Квартира нам досталась от бабушки. Хотя мы тут живём уже чёрт знает сколько лет, хотя мама постоянно расхламляется и мешками выносит родительское наследство вместе с собственным ненужным добром, то в одном, то в другом углу находятся неожиданные вещи. Кладовка — как раз такой угол. Вроде сто раз там порядок наводили, а баракла всё равно немерено.

На одних вроде маленьких антресолях нашлись:

— лыжные ботинки, которые стали мне малы классе в пятом,

— пакет синтепона,

— спальник (когда кто-то в нашей семье ходил в поход? В прошлой жизни, наверное),

— плетёная корзинка (когда кто-то в нашей семье ходил за грибами? Ответ очевиден),

— полтора рулона обоев, оставшихся от ремонта,

— офигительный набор отвёрток, который кто-то когда-то подарил папе и которым он никогда не пользовался,

— старая клавиатура (боже, зачем её хранить?!),

— верёвочная лестница от давно проданного спорткомплекса,

— ещё какая-то не поддающаяся описанию байда, которая норовит свалиться мне на голову.

Меха не было. Вопрос, есть ли он там вообще и не зря ли я пятнадцать минут дышала пылью и старалась добраться до самого дальнего угла. Там какой-то перспективный пакетик виднелся, может, в нём?

Я неловко дёрнула коробку с ботинками, задела затянутый в полиэтилен свёрток. Потянулась за перспективным пакетиком и, чуть не навернувшись с табуретки, вытащила его из угла. Свёрток в полиэтилене всё-таки свалился на пол. А в пакете оказался мех. Повезло!

Надо было, наверное, сунуть свёрток обратно, не глядя. Головняка в жизни было бы меньше. Но тогда бы и поиска не случилось, и всего остального. Случайности не случайны, как любит говорить моя мама, та ещё фаталистка.

Я разрезала верёвочку, стягивающую пыльную и ужасно грязную находку. Письма. Целая пачка писем в разорванных и обтрёпанных конвертах. Справа от меня лежал пакет с кусочками меха. Слева — стопка пожелтевших листков. Я сидела и не знала, с чего начать.

Поворошила мех: мягко.

Тронула письма: завораживающе.

Пока я ковырялась в кладовке, мама ушла в магазин. Я отодвинула бумагу и вытряхнула на пол мех.

— Литва, алгебру дай.

Загоруйко нарисовался.

— Не сделала.

Вообще-то сделала. Полвечера вчера сидела, искала на YouTube внятные объяснения этой нудятины. Точнее, искала, как решить конкретно эти задачи. Не нашла, пришлось вникать в целом, а потом решать. Надоело чувствовать себя дурой.

— Да ну? — вытаращился Загоруйко.

— Ну да.

— Ты Тимошину спроси, она всем даёт, — вдруг влез Сашка Данилов.

Загоруйко заржал и направился к Тимошиной. Та мгновенно покраснела, потом побледнела, набрала воздуха, чтобы ответить, но слов не придумала. Резко встала, ткнула тетрадкой куда-то в сторону Загоруйкиной груди и выскочила из класса. Тот начал листать тетрадь, стоя у Тимошинской парты. Потом медленно, не отрывая взгляда от домашки, побрёл к себе. Тормоз. До звонка четыре минуты, не успеет.

Данилов внимательно и насмешливо меня изучал.

— Не сделала, значит.

То ли спросил, то ли констатировал факт. Делаю как можно более безразличный и неопределённый жест: ни да, ни нет. Не хочется ни врать Сашке, ни признавать, что не дала списать Загоруйке.

Сашка у нас вообще красавчик и звезда. Девки стонут, а он ровный со всеми, как верхушка айсберга, пригретая солнцем. Не холодный, но и на заигрывания не ведётся.

Двигается, как бог. Бальные танцы с пяти лет, парусный спорт с девяти. Ещё и умный. Ироничный. Не злой, что редкость, хотя шуточки бывают на грани. Вот как с Тимошиной. Засмутил нашу ботаншу.

Математичка вкатилась в класс ровно со звонком. В воздух выдала привычную скороговорку: тетради раздать (хлопнула стопку на первую парту), домашнюю сдать, кого сегодня нет, тема урока...

Поймала на себе обиженный взгляд Загоруйки, сдавая очевидно не пустую тетрадь. Если б списывал у меня, наверное, успел бы больше, чем ползадачи. Ну да ладно.

А Данилов всё смотрит. И улыбается самыми уголками губ, едва-едва. Изыди, демон.

У нас за домом три леса. Это подарок лично мне. Я там спасаюсь.

Бывает, такое... Ну, когда мечусь. Из рук всё валится. Беспокойство, вот что. Вроде всё нормально, а делать ничего не могу. Тогда к чёрту идёт всё: уроки, тренировки, рисунки. А я иду в лес. Вот как сейчас.

Первый лес я не люблю. Он слишком человеческий. Слишком близко к домам. На самом краю ржавые гаражи, потом мусор какой-то. Убирают там иногда (я тоже этой весной ходила), а толку?..

Сегодня, можно сказать, повезло. В самом первом лесу увидела двух женщин, а у них на поводках пять щенков корги! Пять! Мельтешат, поводки путают. Женщины хохочут и распутывают. А щенки опять скачут. Вокруг меня почти хоровод завели, когда я притормозила у этой мимишности. Лапы на джинсы норовят поставить, повизгивают. Как не остановиться? Хотя обычно я этот лес бегом пробегаю.

После узкой бетонной дороги начинается второй лес. А вот тут не повезло. В этот удивительный для начала октября день здесь какой-то адовый трафик. Собачники прогуливаются, бабули с лыжными палками бодро топают (скандинавская ходьба, вид спорта для пенсионеров), какие-то бегуны в лосинах...

Не, их всех можно понять. Девятое октября, а у нас плюс пятнадцать. Чтоб вы знали: в столице Сибири в середине осени запросто может лечь снег. И не растаять до апреля. Поэтому сегодняшние градусы, да плюс солнце, да без ветра... В общем, понять-то я их понимаю, но не радуюсь. Мне сегодня хочется одиночества. И движения. Почти бегу, тороплюсь дальше от дома и от неясного беспокойства, которое никак не отпускает.

Шоссе, на обочине которого приходится пережидать плотный поток машин. Наконец я в третьем лесу. Проскакиваю мимо завода чистой воды, ныряю в проход под железной дорогой (как раз успеваю до того, как по ней загрохочет электричка). И в сосны. В тишину. Потому что здесь мне снова везёт. Насколько хватает глаз, на дороге ни-ко-го.

Но выдохнуть всё равно не получается. И я иду, иду, иду... Пытаюсь притормозить, послушать скрип стволов. Посмотреть сквозь корявые щетинистые ветки в небо. Послушать птицу, которая повторяет одни и те же три звука, без вариаций. Не могу. Я уже в Академе.

Универ. Торговый центр. Люди, снова люди. Я иду сквозь них, как сквозь воду. Они вливаются в мои уши звуками и мешают мыслям. Не дают остановиться. Или меня гонит вперёд что-то другое?

Лесок, детская площадка. Вдруг я понимаю, куда несут меня ноги. На мостик над оврагом. Моё волшебное место.

Он маленький совсем, этот мостик. С одной стороны гимназия и центр детского творчества, куда я лет десять назад ходила на рисование. С другой — тёмный и какой-то сырой даже на вид коттеджик, за ним пятиэтажки. Через этот овраг мама водила меня из садика рисовать. Я потом, уже в школе, туда не ходила. Вообще не вспоминала, что здесь и как. А пару лет назад почему-то пошла гулять в эту сторону. И нашла. И вспомнила. Точнее, я не помню, были ли этот мостик и этот овраг волшебными уже тогда, в детстве. Но сейчас мне кажется, что там, на краю Академгородка, кончается время.

Я стою в самой серединке и смотрю на ещё не опавшие листья. Лес становится прозрачнее с каждым днём. Дно оврага — всё виднее. Воздух — всё звонче. А сейчас всё замерло. Ни ветра. Ни птиц. Ни белок. Ни людей.

Я шла за тишиной. И я её нашла.

Глава вторая

Про письма я тогда забыла. Сунула их на полку с книгами и всякими мелочами — и они где-то там затерялись. Сначала занялась амулетом, а потом школа, тренировки...

Письма случайно нашла Настька. Знакомьтесь: Настя Романенко, моя лучшая подруга. Дружим с шестого класса, когда она приехала из какой-то глухомани (всё время забываю название. Сороковичи? Поповичи? Рюриковичи? Тьфу!) и поселилась в Городке.

Родители Настьки с претензией, образование у их дочери должно быть самым лучшим. Отдали в наш класс. Мы же такая местная элита. Это изнутри видно, что показуха одна, но снаружи... В общем, давайте не про школу, а про Настю.

Она красавица. Невысокая, стройная, вся такая светленькая-беленькая. Волосы — ещё чуть-чуть и дорастут до колен. Поёт... хочется написать, как ангел. Особенно если в белом на сцену выходит. Но на самом деле ангелам до неё далеко, как мне кажется. В общем, круто она поёт. Даже в музучилище думала уходить после девятого класса. Там её обожаемый Кирилл учится по классу скрипки. Они с музыкалки дружат. Но родители настояли, чтобы она нашу школу закончила. А потом — хоть в консерваторию пусть идёт. (Слово консерватория в их семье — почти ругательство.)

Так вот, эта нежная фея — ещё и мегамозг. И у нас с ней взаимовыгодное сотрудничество. Она объясняет мне химию, а я ей пишу сочинения. Не понимаю, как такая умная девчонка может делать столько ошибок. Её даже авторедакторы не спасают. Уж про то, чтобы что-то правильно написать от руки, я вообще молчу.

В тот вечер Настя кое-как впихнула в мою голову домашку по химии (можно было просто списать, но хочется хоть приблизительно понимать, о чём это). И пока я дописывала второй вариант эссе — домашка-то по литре одинаковая, — она рассматривала вещи у меня на полке.

— Что за пакет?

— Ммммм, без понятия.

— Что-то начатое и забытое?

— Вряд ли. Подожди, предложение допишу, пока не забыла. Чёрт, мысль ушла...

Написала ещё пару строчек, изобразила какое-никакое завершение текста. По объёму вроде ок.

— Давай, чего ты там у меня нашла?

Она протянула мне пакет, который всё это время держала в руках. Я с полминуты соображала, что такое прямоугольное и зачем я засунула в пакет да к тому же тщательно завязала. А потом поняла: письма.

Бумага пахла пылью и какой-то древностью. Адрес на конверте: станция Степная Оренбургской губернии, посёлокъ Черноречье. Ох, ничего ж себе. Казаку Никанору Александровичу г-ну Кондратьеву. Тот же адрес, только это письмо Прасковье Степановне г-же Кондратьевой.

— Какой это год вообще? — почему-то шёпотом спросила Настя. — Твёрдые знаки ещё, смотри. Буква «и» такая, как английская.

— Так до революции писали. Это потом реформу провели, все лишние буквы убрали. Забыла, нам историк рассказывал?

— Наплевать на историка, ты открывай!

Два сложенных листочка. «Дорогая Пашенька!..» Ну да, Прасковья Степановна же.

— Год посмотри! — снова зашептала Настя.

Я повертела листочки.

— Вот, глянь. 14 октября 1917. Божечки-кошечки, больше ста лет! Откуда они у тебя?

Я рассмеялась.

— Не поверишь: из кладовки.

— В смысле? Эта древность просто так валялась?

— Угу. За мехом вон за тем залезла, а они мне на голову свалились.

— Давай читать! — почти взвизгнула Настя. Но тут у неё зазвонил телефон. Сурова и беспощадна Настина мама Ольга Евгеньевна Романенко. Домой — значит, домой прямо сейчас.

Только я закрыла за Настей дверь, как пришёл с работы папа. Он, кажется, даже поесть не успел, как они с мамой начали ссориться. Не поняла, из-за чего на этот раз. Хотя давно уже не вникаю. Но мне, как в детстве, становится так паршиво от этого. Мгновенно

наваливается тоска. Иногда даже тошнит от неё. Главное, не скатиться вот в это вот, а то не только сегодняшний вечер, но и завтрашний день пойдёт наперекосяк.

Мой рецепт — надеть наушники с музычкой поприятнее и что-то делать руками. Такое, чтоб больших усилий не требовало. Вот шарф, например, можно дальше вязать. Главное — не слушать. И не думать.

Давно пора было спать, но письма не выходили из головы. У мамы с папой наконец-то тишина. Даже ужинать не хотелось, пока они там разбирались. Тем более что мама и ужин не готовила. Пришлось сходить за йогуртом и бананом, когда они затихли в своей комнате.

Я взяла письмо, которое начала читать вместе с Настей.

«Дорогая Пашенька!

Письмо твое от 28 сентября получил и спѣшу съ отвѣтомъ. Прибыль въ полкъ, стоимъ лагеремъ, готовимся идти на Нѣметчину. Пока никакихъ прочихъ новостей нѣтъ.

Пропиши, какъ ты тамъ? Какъ здоровъ? Какъ маменька, тятенька?

Я, слава Богу, здоровъ. Потребностей ни въ чемъ не испытываю. Все у насъ въ полку есть.

Кстати сказать, встрѣтилъ здѣсь Ѳедора Черепанова, сына Кузьмы Черепанова изъ Степного. Прибыль недѣлей ранѣе меня.

Кланяюсь маменькѣ, тятенькѣ, тетушкѣ и братцу Ильѣ. Будьте всѣ здоровы!

Обнимаю тебя, Пашенька.

Остаюсь вѣчно твой, Яковъ Кондратьевъ

14 октября 1917 года»

Интересно, кто все эти люди? Семнадцатый год... Прабабушка с прадедушкой?

Я взяла ещё одно послание. Не письмо даже! Почтовая карточка. По краям гербы, стёртые почтовые печати. Зато чернила — будто вчера писали! А бумага жёлтая и по краям какая-то жёваная. С одной стороны адрес: станція Степная Оренбургской губерніи, поселокъ Черноречье. С другой стороны текст.

«Здравствуйте, Тятенька и Маменька!

Пока есть немного времени, спѣшу отписать вамъ о моемъ положеніи. Въ настоящее время нахожусь живъ и здоровъ. Война затягивается, и нѣтъ надежды на скорое возвращеніе домой. Все время движемся на востокъ. Освобождаемъ одну деревню за другой отъ бѣлогвардейской заразы. Но впереди еще много дѣлъ предстоитъ.

На прежній адресъ мнѣ писать не стоитъ. И пока въ общемъ не понятно, гдѣ мы будемъ хотя бы уже завтра. Какъ настанетъ опредѣленность — отпишу вамъ.

Объ одномъ васъ прошу: Пашеньку берегите и Маришу!

Всѣмъ сердцемъ я съ вами, родныя мои. Кланяюсь вамъ, Прасковья Степановнѣ, бабушкѣ, брату Ильѣ.

Сынъ вашъ, фельдшеръ Яковъ Кондратьевъ

10 сентября 1918»

Фельдшер — это кто вообще? Врач? Надо будет зауглить.

Но вообще странно, конечно. Почему я об этом раньше никогда ничего не знала?

Стоп, это не могут быть прабабушка с прадедушкой. Потому что Мария тогда была бы бабушкой, а бабушка, как я — Александра. Баб Шура... Пазл определённо не сходится.

Я ещё какое-то время перебирала письма. Адрес везде один, адресаты — или казак Никанор Александрович, или Прасковья Степановна, очевидно, жена.

А могут это быть вообще не наши письма? Скажем, от прошлых владельцев квартиры остались. То есть ещё до бабушки. Здесь, интересно, кто-то жил?

Я открыла ещё один конверт. Фотография! На меня смотрел мужчина лет, наверное, чуть за двадцать. Похож? Захотелось взять зеркало и проверить. Хотя чего уж там, себя я и так хорошо знаю. А на фото мужик как мужик. В военной гимнастёрке, воротничок белый

выглядывает. Интересно, это парадный вид? Не похоже. Хотя тогда фото делали не так, как сейчас — щёлкнул сэлфи и дальше побежал. Тогда готовились, наряжались.

Чем дольше я смотрела на фотографию, тем больше мне казалось, что он тоже смотрит на меня. Даже неуютно как-то стало. Что он во мне видит? Нравится ему такая внучка? Эээ... правнучка. Если это мой прадед, конечно, а не чей-нибудь ещё.

Всё, мозг вскипел окончательно.

Два часа! Чёрт, завтра в школу не встану.

Но что-то в этом всё-таки есть. Должно быть! Какой-то выход из обычной жизни. Портал в другую реальность! Надо будет разобраться.

Вчера думала, не усну от щекочущего ощущения радости и какого-то тепла внутри. Но срубилась тут же. Жаль, сегодня от ночного драйва не осталось даже капли. Контрольная по геометрии первым уроком добила меня окончательно. Это ж издевательство над честными людьми, которые не выпалились. Я это и на свежую голову не решила бы, а сейчас...

Ещё и Данилов всё время смотрит в мою сторону. Он, конечно, красавчик, но сегодня выглядит смурным, будто тоже ночь не спал. Хотя ему это идёт. Хорошо быть парнем. Я, когда не выспалась, выгляжу, как помятый хомяк. И мне это, определённо, не идёт.

После третьего урока Настька утащила меня в сторонку.

— Ну давай, рассказывай. Ты читала?

— Угу. Только там ничего не понятно.

— Из-за старых букв?

— Нет, это-то как раз легко. Я не могу понять, кто это вообще писал. В смысле, кто они мне, все эти Прасковьи с Никанорами.

— Ну, предки, наверное.

Откуда-то из-за спины вылез Загоруйко. Я аж вздрогнула.

— Романенка, дай химию списать.

— Отвали. Рюкзак в классе, не пойду туда.

— Ну Наааасть...

Данилова тут не стояло, но каким-то образом он всё слышал. Сунул в руки Загоруйке тетрадку, бросил:

— Чего к девушкам пристаёшь?

И отошёл к соседнему подоконнику. Вроде в телефон смотрел, но кто же его знает, что там было на самом деле.

— Давай рассказывай, а то перемена скоро кончится. С этими всякими.

— Не знаю, что рассказывать. Там писем штук десять-пятнадцать. Насколько я поняла, примерно 1917-1918 год. А, девятнадцатый тоже вроде был. Адрес везде один: то самое село Черноречье. Пишет Яков Кондратьев, но для него писем нет. Непонятно, почему.

— Это как раз понятно. Если предположить, что он писал домой, а ему — куда-то в другое место, то вряд ли он бы стал за собой все эти письма возить.

— Ну да, логично. Наверняка он просто не мог хранить переписку. Я читала, он там писал про войну: идём на восток, бьём белогвардейскую заразу.

— За красных, значит.

— Значит. И получается, что писал он жене Пашеньке и отцу Никанору. Потом появляется ещё Мариша. Мне кажется, что у них дочка родилась.

— Как?! Если он на войне.

— До войны же они, очевидно, жили вместе. Раз жена.

— Ну да...

— На самом деле ничего не ясно. Я пробовала подсчитать, кто это вообще. Если Мария родилась в 1918, то она мне кто может быть? Не бабушка, очевидно. Тем более что у меня по маминной линии баб Шура была. И квартира наша была её.

— Прабабушка, — бросил Данилов на ходу. И пошёл в класс, как ни в чём не бывало.
— Э, ты чего подслушиваешь! — возмутилась Настя.
Данилов остановился, не торопясь обернулся, улыбнулся и добавил:
— До звонка минута.
Рядом возмущённо пыхтела Настя.

Глава третья

Если идти, то долго. Если бежать, то быстро. Быстрее. Ещё быстрее. Движение — электрический ток для моих личных батареек. Эммм... Я электрогенератор? Или электровеник?

Вбежала домой, заряженная тренировкой. В душ, поесть и упасть на кровать поскорее. Как бы не так. С порога услышала пронзительный голос. Светик-Семицветик, будь она неладна! Тут же кинулась ко мне:

— Сашура, привет. Ты откуда такая взмыленная? А-а-а-а, с трениро-о-овки. Ну давай, заходи же скорее.

Во-первых, я ненавижу, когда меня называют Сашурой или Шурой. Во-вторых, домой я бы уж как-нибудь зашла без приглашения. В-третьих, я совершенно не хочу сейчас ни с кем разговаривать.

— Здравсти, тёт Свет.

Просочилась мимо неё в ванную. Выдохнула. Очень надеюсь, что она уйдёт, пока я в душе.

Светиком-Семицветиком мамину подружку прозвал папа. У неё вечный Новый год, на котором она работает ёлкой: одежда кислотных цветов, бусы, кольца, серьги до плеч. В детстве мне это нравилось. Я сидела у тётки Светы на коленях и сначала облизывала, а позже просто разглядывала блестящее барахло. Но то ли я выросла (факт!), то ли праздника в моей жизни и так достаточно, только сейчас меня от Светика потряхивает. К тому же я стала критично относиться к тому, что от неё слышу. Мы, конечно, поколение YouTube, но зато у нас есть доступ к любой информации и мозги, чтобы найти разные точки зрения, проанализировать. Поэтому я довольно давно просекла, какую чушь она порой несёт.

Не повезло. Она ещё здесь.

— Надюш, тебе не хватает женственности! Нет, подожди, не возражай. Вот ты в чём на работу обычно ходишь? В джинсах. А дома? В лосинах и в майке. Да-да, я знаю, что удобно. Но это не женст-вен-но! Понимаешь, женщине нужна юбка! И желательно длинная, в пол. Под ней, как под куполом, аккумулируется женская энергия. А дома, между прочим, хорошо бы ещё без белья ходить. Так энергия знаешь какая возникает!

— Оттого что ты голышом под юбкой, возникает энергия?

— Да! Там же не просто какие-то части тела, а сакральные места. Ты движешься, и она вырабатывается, вырабатывается.

— Ой, Светк, твою бы энергию в мирное русло. Целый город электричеством бы обеспечила.

— Зря смеёшься. Это же я не просто так. Ты говоришь, Андрей на тебя внимания не обращает. Пришёл с работы, поел, уткнулся в комп. Так ему твоей женской энергии не хватает. Чтоб подзарядиться, завестись... Чувствуешь, к чему это, м?

Я точно чувствую, что меня сейчас стошнит от этой фигни. Но есть так хочется, что придётся идти на кухню, под обстрел Светикова остроумия.

— О, Сашура пришла! Как дела? Мальчики-то небось уже всюю выются вокруг такой красоти.

— Угу. Табунами. Мам, что поесть есть?

— Салат и паста с соусом.

Интересно, если обозвать макароны пастой, это как-то повлияет на их вкус? Думаю, соус в этом деле всё-таки важнее.

А Светик продолжает болтать. Папа, приди и спаси нас от этого чучела в блёстках. Наверное, у папы встроен какой-то датчик, потому что именно в этот момент он открыл дверь.

— Андрию-у-у-уша, привет! Ну ладно, Надюш, я побежала. Не буду мешать вам ужинать. — И добавила шёпотом: — Помни, что я говорила про энергию. Энергия сакральных частей тела творит чудеса.

Спасибо, пап. Ты меня реально спас. Светик захлопнула дверь, и дышать на кухне стало значительно легче.

Я сидела на полу, прислонившись спиной к кровати. Почему-то так мне особенно хорошо думается. Разложила письма и карточки по датам. Всего четырнадцать штук, первое — октябрь 1917 года, последнее — январь 1919. Везде примерно одно и то же: жив-здоров, трудно, но жить можно, кланяюсь всем, до кого вы там дотянетесь. Писал он в среднем раз в месяц, адресаты — отец и жена. В общем, понятно: кто остался дома, по кому скучает — тем и писал. И чаще, скорее всего, не получалось. Наверное, не до переписки, если вокруг стреляют, а ты лежишь в окопе. Одно письмо особенно трогательное было. Пашенька, не мёрзнешь ли ты? Есть ли у тебя тёплые панталоны? Не износился ли платок, который я тебе дарил? Так просто, по-бытовому, и при этом такая нежность. Аж через бумагу чувствуется. Интересно, дрогнуло бы моё сердечко, если б меня спросили о панталонах и платке?

Снова и снова я смотрела на фотографию Якова Кондратьева. Лицо квадратное, но не тяжёлое. Вероятно, за счёт маленького подбородка. Нос широкий, губы без улыбки. Крупные уши, зачёсанные направо волосы, так что надо лбом они встают волной. И глаза, которые смотрят внимательно, но ласково.

Мама снова зашла в мою комнату без стука. Обычно я на такое рычу, но в этот раз так увлеклась созерцанием фотографии, что не сразу это поняла. А мама уже успела сесть рядом.

— Это кто?

— Мой прадед. Яков, если я правильно помню. Где нашла?

— В кладовке валялся.

Мама посмотрела на разложенные передо мной письма и зачем-то провела по ним рукой.

— Мама говорила, нехороший человек был.

— Почему?!

— Забрали на Первую мировую, потом мог домой вернуться, но пошёл на Гражданскую, да так и не вернулся.

— Убили?

— Мама говорила, разные слухи ходили по деревне. Её мама, моя бабушка, как-то жаловалась соседке, что все бабы в их роду до мужиков несчастливые. Так странно это звучало, что я дословно запомнила, хотя маленькая была. Кто пил, кто бил, кто налево гулял, а кто и всё вместе.

— И вот этот Яков... тоже?

— Ну да. Я ж его не знала, сама понимаешь. Проверить не могла. Но бабушка так говорила. Наверное, ей виднее.

Всё это так не вязалось с панталонами для Пашеньки, что я растерялась. А мама зачем-то продолжила:

— Может, и правда, судьба у нас такая, несчастливая.

Вот тут я уже разозлилась.

— Ты больше всяких бабок и Светиков слушай! Что-то я не заметила, чтобы папа тебя хоть как-то обижал.

— Нет, конечно. Время другое. И жизнь другая. Но что-то в этом всём, мне кажется, есть.

Только в этот момент я поняла, что мама в юбке. В длинной. Дома.

Смотрится странно... Но неожиданно красиво.
Хотя Светик — всё равно ходячий вынос мозга.

Ветер на берегу оказался пронзительнее, чем мне думалось дома. Да, вдавить внутрь окно моей комнаты этот безумец пытался. Но так паршиво, что мы ещё посмотрим, кто кого.

И вот я стою на берегу Обского моря. Водохранилище, которое мы для краткости (или для значимости?) зовём морем, — второе после леса хорошее, что есть рядом с моим домом. Сегодня нет ни сил, ни желания куда-то идти, бежать. Сегодня я могу только стоять на берегу, смотреть на волны, полчищами мышей с белыми клыками бросающиеся на берег, и ждать, пока ветер выдует из меня всё, что есть внутри. Прополощет душу хорошенечко, вывернет наизнанку, вытрясет весь мелкий сор, как шерсть от одеяла, застрявшую в уголках пододеяльника.

Я смотрю на перекачивающуюся воду и жду, когда место тяжести займёт пустота. В море, как в центрифуге, крутятся листья и мелкие ветки. Желтовато-белая пена ещё больше усиливает сходство со стиральной машиной. Интересно, где тот шланг, по которому после стечёт вся эта грязь? А может, море так и уйдёт под лёд со всем тем, что сейчас болтается у самой поверхности. За зиму под ледяной коркой всё уляжется, листья и ветки разложатся на молекулы, пену выпьют глупые рыбы, принимающие её за кислородный коктейль, а море станет спокойным, чистым и готовым к новому лету.

Ветер охватывает меня всю, забирается под пуховик, водит ледяными пальцами под джинсами, швыряет в лицо пряди волос, выбившиеся из-под шапки. Тело сжимается, а душа расправляется. Пустота пришла. Спасибо.

Я поняла, что снова могу дышать. И заодно поняла, как сильно замёрзла. Решение надеть пуховик было гениальным. Главное, не думать, что теперь это счастье почти на полгода. Хорошо, если к началу апреля удастся вернуться к куртке полегче.

А ещё я поняла, что срочно, вот прямо сейчас, не медля ни секунды, я хочу горячего какао. Пить его медленно, дышать густым шоколадным духом, лениво гонять по чашке маршмеллоу и затем одну за другой отправлять их в рот, чтобы по языку растекалась зефирная нежность. До кофейни десять минут быстрым шагом. И пусть только кто-то попробует занять моё любимое место у окна!

Кажется, свободно. Пара шагов — и... Сашка. Оказывается, его от меня заслоняла полная курток вешалка. Я заметалась взглядом по кофейне, но все столики оказались заняты. Суббота, погода нелётная, так что ничего удивительного.

Данилов медленно поднял взгляд от ноутбука.

— Привет.

Выглядит так, будто мы договаривались о встрече.

— Садись. Что смотришь на меня, как на врага народа?

— Привет.

Я помедлила, не уверенная, что хочу с кем-то сейчас разговаривать. Но у Сашки на столе стояла чашка с густым какао и пухлыми шариками маршмеллоу. Отказаться от подобного счастья я была не в силах, да и промёрзла так, что аж зубы слегка постукивали. Стянула куртку и села напротив. Из ниоткуда возникла официантка, и я заказала точно такое же какао.

Данилов продолжал задумчиво созерцать экран ноута. Я глазела в окно. Темнело, и в нём отражались огоньки надписи на стене напротив.

— Мам, а что здесь написано? — вдруг спросила девчужка за соседним столиком.

— Всё начинается с кофе, — ответила мама усталым голосом.

— Почему с кофе? Может, с чая? Или с воды? А ещё можно начинать с молока. А ещё... — девочка запнулась, и мама рассмеялась.

— Можно. Но почему-то очень многие люди любят начинать день с кофе. Он самый бодрящий.

Девочка защебетала о каком-то Максиме из садика, и я перестала слушать. Официантка поставила передо мной большую чашку.

Какао — это магия в чистом виде. Оно греет изнутри и щекочет нос запахом, оно позволяет заледеневшим пальцам снова обрести чувствительность. Оно, в конце концов, помогает разговаривать.

Сашка отхлебнул из своей чашки и внимательно посмотрел на меня.

— Ну что, Сандра, согрелась?

Я подавилась очередным глотком. Просипела:

— Почему Сандра?

Сашка пожал плечами.

— Потому что красиво. И потому что сокращённое от Александра. Тебя никогда так не называли?

Я помотала головой.

— Только Сашей. А ещё Сашурой или Шурой. Но за такое я готова убивать.

Сашка захохотал.

— Знаешь, как меня бабушка в детстве называла? Шуриком или Шурупиком. Говорила, что я всё время верчусь, как шуруп.

— Прикольно. А у меня нет бабушек. Одна умерла до моего рождения, другая — когда мне был год.

— Сочувствую. Бабушки — великая сила. Даже если ты накосячил и родители ругают, бабушка всегда готова тебя спасти. Становится ценной боевой единицей на поле сражения, и, главное, всегда на твоей стороне.

— Ммммм...

Разговор о бабушках вернул меня к тому, что вот уже почти месяц не выходит из головы. А Данилов телепат, не иначе. Потому что, чуть помявшись, он спросил:

— Понимаю, что это не моё дело, но можно всё-таки спросить? Вы с Настей не так давно обсуждали какие-то письма. Расскажешь, о чём была речь?

Не уверена, что я хочу с кем-то обсуждать эту историю. Разве только с Настькой. Но Сашка так внимательно смотрел, что я решилась чуть-чуть рассказать.

— Я нашла у нас дома письма. Они в кладовке хранились, видимо, остались от бабушки. Она умерла давно, а мы живём в бывшей её квартире. Никто про них не знал, они случайно вывалились. Мой прапрадед писал моей прапрабабушке и своему отцу. Сто лет прошло, а они сохранились.

— И что писал?

— Ничего особенного. Про то, что скучает, что бесконечно всем кланяется. Спрашивал о здоровье, как там они вообще.

— Какие даты?

— С октября 1917 до января 1919.

— А потом?

— А потом мама не знает. Он пропал. То ли убит, то ли ещё что-то случилось.

— Ты не пробовала искать информацию о нём?

Я пожала плечами.

— Понятия не имею, как это сделать.

— Могу помочь. Хочешь?

Я снова пожала плечами.

На меня вдруг навалилась такая сонливость, что я едва сдержала зевоту.

— Я пойду. Устала.

— Ну ок. Встретимся в школе.

— Да куда мы денемся.

Глава четвёртая

Как давно я не слышала этих звуков! Я аж на пороге замерла. Гитара. Папа тихо-тихо трогает струны пальцами, и они отзываются — нежно, благодарно. Гитара тоже скучала. Папа заканчивает замысловатую мелодию флажолетом: касается струн левой рукой над самым корпусом, не зажимая, и проводит по ним правой. Выдох. Тишина. Выдыхаю следом за гитарой.

Я заглянула в комнату родителей. Так и есть: папа сидит на диване, прикрыв глаза. Как делал когда-то давно. Раньше мне в такие моменты хотелось его растормошить, а сейчас боюсь тревожить. Такое лицо у него спокойное и будто нездешнее. Но он уже заметил меня, улыбнулся. И я, как в детстве, забралась на диван. Всегда хотелось пристроиться к нему поближе, но с гитарой это было жуть как неудобно. И ему играть мешала, и сама никак не могла примоститься. Но каждый раз пыталась. В этот раз просто села рядом.

А папа, не говоря ни слова, хитро прищурился и запел:

— Не сразу всё устроилось,

Москва не сразу строилась...

Я окончательно провалилась в детство. До Москвы тысячи километров, но это ерунда. Наш с папой город — здесь. Наши поля и лесные тропинки, по которым мы прошли столько километров вдвоём. Наши берега и костры. Жаль, что это было давно.

— Почему мы так редко стали гулять вместе?

— Не знаю. Может, потому что ты слишком выросла?

Папа взъерошил мои и без того лохматые волосы.

— Споёшь ещё?

Папа как будто на секунду задумался, но тут же заиграл.

— Из окон корочкой несёт поджаристой.

За занавесками мельканье рук...

Здесь остановки нет — а мне пожалуйста:

Шофёр в автобусе — мой лучший друг.

Кто бы сомневался. Мамина песня. Папа смешно акает, как Окуджава на старой пластинке, так что автобус получается «новенькай».

— Но кони в сумерках колышут гривами.

Автобус новенькай спешит-спешит.

Ах, Надя, Наденька, мне б за двугривенный

В любую сторону твоей души!

Мама притянулась на песню, не иначе. Хотя я знаю, что она просто пришла с работы, но думать про песню-магнит было приятно.

И всё-таки волшебство закончилось. Начался обычный вечер с ужином, «как дела в школе — нормально», домашкой на завтра и музыкой фоном.

А потом папа пришёл ко мне перед самым сном и сказал, что уезжает в Антарктиду. Думала, он шутит. Но он даже контракт мне показал, чтобы я поверила. До марта.

Хоть папа и геофизик, но, сколько я помню, он никогда никуда не ездил. Иногда рассказывал байки из прошлых экспедиций. По России-то он неплохо так покатался. Только это было... лет пятнадцать назад. А тут — Антарктида. Геофизики, сказал, им нужны. Будет там вместе с пингвинами магнитное поле Земли изучать.

Светик, к счастью, уже прощалась. Я открыла дверь, и ей пришлось слегка подвинуться, чтобы я могла войти. Она что-то там ещё чирикала, но я такая голодная после тренировки была, что не слушала, а рванула напрямик на кухню. О, картошечка с грибами, какие-то пирожные ещё остались (наверняка Светик притащила, спасибо-спасибо!).

На столе лежал свёрток. Я и не заметила сначала, просто подвинула его, а потом почувствовала странный запах. Одновременно до сознания дошло Светиково щебетание:

— Ты только не забудь всю квартиру с этим мылом вымыть! Я тебе точно говорю, очищает лучше всякой химии. Главное, не только от грязи, но и на тонком плане. И сама тоже не забывай каждый день им умываться.

— Как-то это слишком — и пол, и лицо одним мылом мыть.

— Оно а-юр-ве-ди-чес-кое, я ж тебе уже три раза сказала, — напирала на маму Светик. — Хочешь очистить свою карму — так давай. Индийские женщины знают, что делают. А мы что, хуже? Хочешь жизнь наладить — надо действовать.

— Ага, — покорно кивнула мама и наконец закрыла за Светиком дверь.

Картошка оказалась обалденной, а вот мыло, которое, как я поняла, было в свёртке, откровенно пованивало. Пришлось встать и убрать его со стола на подоконник. Дышать стало чуточку легче.

Мама села, опустила лоб на руки и вздохнула. Всё чаще она выглядела замученной, будто на работе не за компьютером сидела, а вагоны с углём разгружала. Кажется, Светик сегодня стала последней каплей.

— Устала? — спросила я очевидное, потому что ничего более разумного для начала разговора в голову не пришло.

— Угу. Ты пирожные бери, Светка принесла. Вкусные.

— Как минимум, красивые. Сейчас, ещё картошки положу, а потом и пироженку можно. Что там за чудо-мыло, я не поняла? Если это вон то не в меру ароматное, то я бы им лицо мазать не рискнула.

— Оно с навозом.

Я подавилась так, что маме пришлось долго хлопать меня по спине.

— С чём?! — прохрипела я наконец. — Это был глюк или ты сказала, что оно с навозом?

— Не глюк. Мыло с навозом священных индийских коров

Не знаю, как на мой истерический ржач не сбежались все соседи и не вызвали санитаров. Мама, глядя на меня, тоже расхохоталась. В какой-то момент её смех перешёл во всхлипывания, на глазах показались слёзы.

— Мам, ты чего? — выдавила я, стараясь перестать смеяться.

— Много всего накопилось, — выдохнула мама и вытерла слёзы.

— Давай по порядку. То есть Светик притащила тебе мыло с навозом, прости господи, священных индийских коров, так? И на полном серьёзе предлагает им умываться?!

— Ага, — мама шмыгнула носом. — И полы в квартире вымыть им же. Чтобы карму очистить и семейную жизнь наладить.

— Ну да, приезжает папа через полгода, а мы с тобой тут такие все прекрасные и унавоженные, как грядки в огороде.

Мама высморкалась и вздохнула.

— Скучаешь по папе?

Она кивнула и снова вздохнула. Пришлось признаться:

— Я тоже скучаю. Но есть одна идея. Только можно я сначала это мыло выкину, а? И проветрю. Никакое пирожное в горло не ползет, когда такое амбре стоит.

Мама рассмеялась, теперь уже без истерики.

— Выкидывай. И давай твою идею. А на Светку не злись. Она старается меня поддержать, как умеет.

— Чего злиться на убогих, — проворчала я, завернула мыло в два пакета и отправила в мусорное ведро.

А потом распахнула форточку, заварила свежий чай с лавандой и принесла старенький кассетный диктофон. Давным-давно, когда мне было года три-четыре, папа записывал на него наши с ним разговоры и песни. Из коробочки с кассетами вытянула не глядя одну, вставила. Разлила по чашкам чай, придвинула к себе коробку с пирожными и нажала на «play».

От смеха у меня болели щёки, но едва мы с Насте бросали друг на друга взгляд, как снова начинали хохотать.

— Светик всё-таки больна на голову, — отдышавшись и вытирая слёзы, заключила Настя. — Не понимаю, почему тётя Надя ей верит.

Я пожала плечами.

— Они дружат уже столько лет. Наверное, она не всегда была такой... аюрведически подкованной и не в меру женственной.

Я вздохнула. Настя сразу стала серьёзной.

— Скучаешь по папе?

— Ага.

— Не писал.

— Не-а. Но он предупреждал, что редко будет это делать и что он вообще не писатель. Интернет там вроде бы есть, но пока никаких новостей.

Настя задумалась. И вдруг спросила:

— А папа... Вот что для тебя значит — папа?

На такой вопрос не вдруг найдёшь ответ, так что я тоже помолчала.

— Папа — это лето моего детства...

Когда я была маленькой, родители брали отпуск по очереди, чтобы провести со мной летом как можно больше времени. А ещё в нашей жизни был «Голубой залив». Базу отдыха папиного института я обожала, ведь там папа был всегда со мной. Нет, друзей я тоже находила мгновенно, мне было с кем побегать и поиграть. Но по-настоящему здорово мне было с папой.

Папа научил меня грести. Мама рассказывала, что однажды мы с папой уехали на базу в воскресенье вечером, а она приехала, чтобы провести с нами выходные. И вот папа, как обычно, берёт напрокат лодку. Мы с мамой запрыгиваем в неё, уже покачивающуюся на мелководье. Папа отталкивает лодку подальше, тоже забирается и кивает мне: ну, давай. Я важно перехожу в середину, сажусь на скамью. Ноги до выступа на дне не достают, и папа устраивается на корме так, чтобы мои ступни упирались в его. Я одно за другим спускаю вёсла. Малявка, рук едва хватает, чтобы держаться за их концы. Но я гребу. Сама. Мама ахает и не верит, что папа за пять дней научил меня этому.

Каждый вечер мы с папой ловили неводом мальков. Точнее, иногда он делал это с другими рыбаками. Но я так просила дать мне тоже походить с неводом, что папа сдавался. А потом мы загружали в лодку снасти и плыли далеко-далеко, так что люди на берегу выглядели лилипутами. И опускали в воду поставок за поставком, не забыв надеть на каждый крючок по мальку-наживке. Не таким уж богатым бывал улов на следующее утро, но если попадался хоть небольшой судак, а не какие-нибудь банальные окуньки, это был настоящий праздник. И неважно, что я не люблю уху. Праздником был сам факт, что мы. Поймали. Рыбу.

Днём мы с папой играли в настольный теннис, бадминтон и бильярд. Если я упоминаю, что умею играть в бильярд, многие удивляются. В городе это игра тех, кто сидит в барах. А на базе — всех, кто захочет. Так что вариантов не было, папе пришлось учить меня играть, как только я начала дотягиваться до стола.

Вечерами мы жгли костры. Никакого пива и шашлыков в мангалах, как делает большинство. Только живой огонь и поджаренный хлеб. Ну, и маршмеллоу, конечно. Но главное — не это. Главное — папины песни. На его голос приходили люди. Такие же, как мы, любители костров и бардовских песен. Иногда гитара переходила из рук в руки, но папа всё равно пел лучше всех. Особенно про Александру и Надю-Наденьку. А мама всегда улыбалась и смотрела на него так, что мне становилось немножечко стыдно.

— С папой было уютно, понимаешь? А ещё он просто был. Был всегда.

Настя кивнула.

— Он скоро вернётся. Ты не грусти, ладно? Полгода быстро пролетит.

— Ещё бы маму как-то поддержать, а то ей тоже тяжело. Вот Светик и старается.

— Мужика Светику не хватает, — фыркнула Настя. — Чтобы не только чужое семейное счастье устроить, но и своё.

Кому: alex_lit@yandex.ru

От кого: a_litvinoff@yandex.ru

Тема: Привет с ледяного континента!

Саша, привет.

Собрался с силами и засел за письмо. Решил писать отдельно тебе, отдельно маме. Я, конечно, тот ещё писатель, но постараюсь всё-таки выходить на связь.

Больше двух суток добирался до Антарктиды. Москва, Мадрид, Кейптаун и, наконец, Антарктида, станция «Новолазаревская». Хорошо, что существуют самолёты. Представляешь, как когда-то Беллинсгаузен плыл в этих краях на корабле?! Конечно, корабли ходят и сейчас. Например, от Кейптауна идёт «Академик Фёдоров», нередко полярников доставляют именно на нём. Но нас решили забросить самолётом, так что океанской романтики мне не досталось. Может, случится на обратном пути. Зря я что ли паспорт моряка получал.

Впрочем, прилететь самолётом в Антарктиду — тоже то ещё приключение. Можешь ли ты себе представить полностью ледяную взлётно-посадочную полосу? Я теперь могу. Построили её почти сорок лет назад, в 1979 году. Правда, действует этот аэропорт только летом, всего три-четыре месяца в году.

Кстати, ты же понимаешь, что в этой половинке нашего земного шарика сейчас лето? Оно, конечно, будет посуровее сибирского, но всё же это лето. Лютики-цветочки тут не колосятся, птички тоже не чирикают, температура болтается в районе -1 — -2 градусов. Хотя пару раз поднималась даже чуть выше нуля. На полградуса примерно...

Как ты там, девочка моя? Что интересного у тебя происходит?

Записал для тебя песенку Городницкого. Она, конечно, не про Антарктиду и вообще не про лето (в эти месяцы связь с большой землёй у нас есть). Но её слова как никакие другие передают сейчас мои ощущения. Хорошо, что взял гитару.

Обнимаю. Пиши.

Твой папа

Вложение: Городницкий_На_материк.mp3

Глава пятая

Зима наступила строго по календарю. Редкость для Сибири. Снег, конечно, выпадал и в ноябре, но быстро таял. А первого декабря лёг плотным слоем, так что сразу стало ясно: это до апреля.

Вместе со снегом в мир пришла тишина. Люди двигались медленно, словно с головой закутанные в ватные одеяла. И говорили тихо-тихо. Шевелили губами, будто сонные рыбины, а мне казалось, что звук до меня едва доходит, что между мной и остальными — толстое стекло.

Неожиданно появилось много времени на размышления. Казалось бы, тот же ритм: школа, где учителя всё время чего-то требуют, тренировки, на которых нужно бежать быстрее, ещё быстрее, да через барьеры, да на разные дистанции. Но всё это каким-то непонятным образом не мешало мне думать.

Может, потому-то я и надумала поделиться с Даниловым всей этой историей с письмами. Он предлагал помощь, и я, кажется, готова её принять.

Сашка разложил письма на столе от первого к последнему. Я обняла пальцами кружку с остывшим какао и ждала, что он скажет. За окном совсем стемнело, но со стены напротив уютно светила надпись «Всё начинается с кофе», а новогодние огоньки помаргивали, будто стараясь меня подбодрить.

— Не так-то много мы пока имеем, — заговорил Сашка. — Яков Никанорович Кондратьев, родился в селе Черноречье Оренбургской губернии. Надо будет на карте глянуть, где это. Ушёл на фронт, видимо, в сентябре 1917 года. Последнее письмо написано в январе из Омской области. А это, если ты помнишь, столица белого движения, там всё серьёзно было. Может, убит, может, пропал без вести. Надо в архивах искать.

— Я не умею.

— Ну, я тоже не то чтобы специалист по Гражданской войне. С Великой Отечественной было бы попроще. Но наверняка есть ресурсы.

— Откуда ты знаешь?

— Отцу помогал искать следы его деда. Там совсем другая история была, его репрессировали. Только деталей никто не знал.

— Нашли?

— Ага. Арестовали по доносу, расстреляли через несколько дней. Всё дело — один листок в папке.

Я разглядывала разводы на поверхности какао. Конечно, мы проходили всё это на истории. Но одно дело — учебник. И совсем другое — знать, что расстреляли кого-то, благодаря кому ты в принципе смог на свет появиться.

— Не грузись, — усмехнулся Сашка. — Такой он был, двадцатый век. Двадцать первый, впрочем, не лучше.

— Ну, не скажи. В наше время хотя бы людей ни за что не убивают. Правда, другого трэша — с горочкой...

Сашка ещё раз провёл рукой по разложенным письмам.

— Я сфотаю, ты не против? Посоветуюсь с отцом, где лучше искать следы твоего прапрадеда.

Я кивнула, и Сашка достал телефон. Отснял письма одно за другим, начиная с конвертов, если они были. Собрал в аккуратную стопку.

— Ну что, по домам? Мне ещё к зачёту по биологии готовиться, а я тетрадь даже не открывал.

— Я открыла и быстренько закрыла, чтоб не расстраиваться. Но придётся всё же совершить героический подвиг, открыть её ещё раз.

Сашка засмеялся и протянул мне письма. Я взяла, но он не сразу разжал пальцы.

— Всё будет хорошо, Сандра. Всё будет хорошо. Я узнавал.

Мне показалось, что Сашка говорил не о прадеде, а о папе. Но как он узнал? А может, мне и правда показалось.

Пойти из школы на остановку и обнаружить себя в лесочке за Домом учёных? Done! Ну и ладно, значит, буду гулять. Всё равно тренировки сегодня нет, а домой не хочется. Ещё и теплынь такая, снега навалило, так что впору падать рядом с дорожкой и делать снежных ангелов. Но это развлечение, пожалуй, отложим.

— Бежишь?

Сашка возник внезапно. Как ему это удаётся?

— Гуляю.

— Не возражаешь?

— Пойдём.

И мы пошли. Через лесок по диагонали, затем по улице, ведущей к Ботаническому саду. Шли не сговариваясь, но оба двигались, будто к какой-то цели.

Я редко бываю в Ботсаду зимой. Дорожка круто сбегает вниз, потом плавно ведёт наверх, а потом и не плавно. И вот мы на холме, откуда открывается вид на заснеженные

верхушки растущих ниже деревьев, на ещё один склон, поросший лесом. Стоим на дорожке и почему-то держимся за руки. А я и не заметила, как так получилось.

— Мы с отцом здесь часто бегаем летом, — вдруг произнёс Сашка.

— А я обычно прихожу одна. Точнее, приезжаю на велике. Но не так чтобы часто. Сашка помолчал и осторожно сжал мои пальцы.

— Ты чем-то расстроена в последнее время...

Я не отвечаю, потому что не нахожу слов. А потом понимаю, что мир расплывается. И чтобы не давать воли слезам, начинаю говорить. Слова катятся из меня сначала мелкими камешками, а потом — словно лавина в горах.

Я рассказала обо всём: о вечных ссорах родителей, о том, как горько мне это слышать и как я прячусь в музыку, о том, как папа сказал про Антарктиду, и, конечно, о том, как он пел мне в тот день, о том, как всё у нас было раньше, и о том, что сейчас жизнь в нашем доме проходит, затаив дыхание. А Сашка слушал и слушал. Ничего не говорил, только изредка чуть крепче сжимал ладонь.

А потом мы пошли. Молча. И снова будто оба знали, куда нам нужно прямо сейчас.

Когда мы вышли по тропинке к церкви, начало темнеть. Зазвонили колокола. Мы шли и шли, свернули к домам, шли по улице, а нам вслед нёсся печальный, но какой-то очищающий колокольный звон.

Остановка. Как по заказу, моя маршрутка.

— Пока, — улыбнулся Сашка.

Надеюсь, он понял, как я ему благодарна за сегодняшний день. Потому что вслух я этого сказать не решилась.

Кому: alex_lit@yandex.ru

От кого: a_litvinoff@yandex.ru

Тема: Как мы тут живём

Саша, привет.

Ты спрашивала, что есть на нашей станции. Давай устрой экскурсию.

Я живу в геодоме. Несложно понять, что здесь же я и работаю. Удобно, между прочим: не надо ни ехать, ни ходить далеко. По крайней мере, каждый день не надо. Хотя, конечно, мы проводим измерения в том числе за пределами станции.

Ещё есть радиодом. В нём живут собственно радист, который передаёт результаты наших исследований в институт, начальник станции, метеоролог и сисадмин.

А вот куда нам надо ходить три раза в день — это на камбуз (да-да, на станции используют морскую терминологию!). Здесь живут повара и здесь нам готовят еду, а мы её едим. Много, вкусно и достаточно разнообразно. Потому что хоть и лето, но погода здесь так себе, постоянные ветры. А ещё на камбузе стоит бильярд и теннисный стол. Чтобы никто не страдал от гиподинамии или от скуки, мы приходим туда вечерами поиграть.

Ещё у нас есть ДЭС — дизельная электростанция. Не совру, если назову её сердцем нашей станции. От неё во все стороны расходятся тепло и свет. Точнее, расходится, конечно, электричество. А уж от него работают электрообогреватели и иные необходимые для жизни вещи. Приборы и компьютеры, например.

А ещё у нас есть... баня! И не простая, а занесённая в книгу рекордов Гиннеса, потому что она единственная на всю Антарктиду построена из клееного бруса. С вениками, правда, напряжёнка. Берёзы здесь не растут, так что приходится везти веники из России.

Ну, а чем занимаюсь я? Собираю данные. Не знаю, как бы попроще это объяснить... Наверное, никак:) В общем, мы собираем информацию о вариациях магнитного поля Земли. Здесь, недалеко от полюса, они сильнее, чем, скажем, в России. Мы передаём информацию

в Арктический и антарктический научно-исследовательский институт, который находится в Санкт-Петербурге. Собранные нами данные позволяют создавать прогнозы магнитной обстановки на планете. Это важно, потому что магнитные возмущения могут повлиять на работу спутников и различных приборов. В общем, ты уже поняла, что я занимаюсь здесь Ужасно Важным Делом.

А когда я от него отвлекаюсь, то могу поиграть на гитаре. Ещё одну песенку записал. Лови!

Обнимаю.

Папа

P.S. А ещё на станции установлен столб с указателями. Среди других городов на нём есть Новосибирск! Расстояние 14745 км. И знак «сигма».

Вложение: Кукин_Говоришь_чтоб_остался_я.mp3

Говорят, настоящие сибиряки никогда не мёрзнут. Видимо, я какой-то игрушечный сибиряк, потому что не-на-ви-жу холод. За окном включили -35 и выключать это безобразие не собираются. Поэтому я осела дома, дальше магазина не выхожу, и то не каждый день. Благо, школа закончилась. Отмечать Новый год с одноклассниками не хотелось, так что какой-то там квест с посиделками в чуме я проигнорировала. Новогоднего настроения — ноль целых, ноль десятых.

Мама притащила.nanoёлку. Таковую маленькую, что даже смешно. При этом удивительно пушистую. Попросила меня развесить игрушки. Я честно пыталась ухватить новогоднее настроение хотя бы в этот момент. Помню же, как раньше это любила, как придумывала длинные истории про обитателей ёлочной страны, как вешала игрушки в определённом порядке, чтобы заяц не оказался рядом с лисой, а ёж не смог утащить яблоко с соседней ветки. Но — не в этот раз. Может, я просто выросла? И теперь всегда смогу только вспоминать о том, как любила зимние праздники...

— Давай Светика позовём встречать Новый год.

Я в ужасе уставилась на маму.

— Издеваешься?!

— Нет, почему. С ней веселее будет.

— Давайте вы тогда повеселитесь как-нибудь без меня. Я лучше просплю весь новый год, и мне будет веселее всех.

Вопрос решился просто: Светика уже позвал отметить праздник какой-то чел из «Тиндера». Спасибо, мужик, ты меня спас. Держись там, не дай ей выклевывать твой мозг и ослепить блёстками.

На маму напало кулинарное вдохновение, так что к вечеру 31-го у нас на столе стояло умопомрачительно вкусное рагу, салат из полусотни ингредиентов, нежнейший брауни и глинтвейн из виноградного сока с бешеным количеством пряностей. Я скромно нарезала ещё один салатик и сочла свой вклад в праздничный ужин достаточным. Тем более что на две персоны блюд оказалось многовато.

Пока ждали двенадцати, мама включила старый французский фильм о девушке по имени Фанфан. Говорит, любила его в юности. Герой там явно болен на всю голову, но изобретателен. Я даже чуточку позавидовала Фанфан. Впрочем, вопрос: согласилась бы я на такие сюрпризы с учётом явной ненормальности парня? Или можно как-то получить подобные приключения и при этом построить адекватные отношения? Мама сказала, что наше поколение — сплошные циники. Ей подобные мысли в моём возрасте в голову не приходили, она только восхищалась. Ну да, мы дети YouTube, а там, между прочим, не одни распаковки и прочий шлак показывают. Там ещё и психологи встречаются, например. Так

что об адекватных отношениях мы явно знаем побольше, чем наши родители в подростковом возрасте.

В полночь посмотрели ВВП, послушали куранты и подняли бокалы с глинтвейном. А потом расползлись по кроватям.

Я смотрела в потолок и слушала грохот фейерверков за окном. Напишу папе, спрошу, были ли у него фейерверки в новогоднюю ночь.

Звякнул телефон, на экране возникла картинка от Сашки — снеговик с огромным конвертом в стиле советской открытки. Интересно, это намёк? Отправила поздравительный стикер и выключила звук. Сил не осталось вообще ни на что.

Глава шестая

Письма я уже выучила наизусть, но всё равно время от времени раскладывала их и перечитывала. Получается, где мой прадед только не был! Сначала на запад поехал, в Первой мировой сражаться. Потом почему-то на восток, уже с белыми бороться. А домой не возвращался...

Мама заглянула в комнату, когда я в очередной раз сидела на полу и вертела почтовую карточку.

— Ну что, пишут что-то новенькое?

— Да нет, всё то же. Но почему-то по-прежнему интересно.

Она присела рядом, взяла одно письмо, потом другое. И вдруг сказала:

— А я ведь там была в детстве.

— Где?

— В Черноречье. Мы ездили с мамой к её сестре, в их родную деревню. Только мама уехала учиться, а сестра осталась.

— О, когда ты там была?

— Давно, ещё в детстве. Последний раз — перед моим первым классом.

— А потом?

— А потом мама рассорилась с сестрой, уж не знаю почему. Но она не любила туда ездить. Может, и ссора была пустячная, просто повод больше не приезжать. Не знаю.

— И как там? Речка Чёрная есть?

— Будешь смеяться, но речка Чёрная течёт не по деревне, а в стороне. В деревне тоже есть река... с неожиданным названием Уй. Течёт прямо за тётиным домом, с огорода, через заднюю калитку, можно выйти на берег. Туда дядь Витя лошадь на водопой гонял. Не через огород, конечно, а по улице. Я иногда просилась с ним. Садилась в телегу, и мы ехали. Лошадка спокойная была, но я всё равно её побаивалась, особенно когда она во дворе стояла, пока дядя её в стойло не заводил.

— А дом там какой?

— А дом там старый-старый. С начала века стоит. Ну, стоял, по крайней мере. Не знаю, как сейчас. Вот представь: огромные ворота. Их открывали, чтобы завести лошадь с телегой. Там же небольшая дверь — для людей. А рядом с воротами, как будто углом, такой палисадничек. Знаешь, что это? Кусочек сада перед домом. Кажется, когда-то входили именно через него, там ещё одно крылечко было. Но я этого уже не застала, помню по маминим рассказам.

Вообще, сад плавно перетекал в огород и окружал весь дом. А в палисаднике росли вишни. Меня это тогда так восхищало! Здесь я вишен в детстве не встречала. Были ещё яблоки, может, ещё какие-то фрукты... А в огороде — заросли малины, смородина, картошка. И лягушки. Помню, стояли какие-то бочки, для полива, наверное. Рядом влажно — и лягушата скачут мелкие-мелкие.

— А в доме что?

— Дом, как я сейчас понимаю, был большой и добротный. Сначала тёмные сени. Там было всегда холодно и как-то затхло. Несколько дверей, чтобы не выходило тепло.

Заходишь — и сразу попадаешь на кухню. Помню, что в ранние наши приезды была печь: огромная, полкухни! И совершенно не помню, чтобы я на неё залезала... А в последний раз приехали — печь разобрали. Кухня сразу стала просторной, но какой-то гулкой, неудобной. Осталась только голландка в углу. Это такая круглая печь в самом центре дома. Наверное, ей и отапливались зимой, но зимой мы в деревню не ездили.

Что ещё на кухне было? Чисто по логике — плита, хоть я и не помню, какая. Был стол, на котором готовили, лавки вдоль стен, умывальник такой, знаешь, как на даче. То есть сверху в ёмкость воду заливаешь, над раковиной умываешься, а вода потом стекает в ведро, которое нужно выносить. Все удобства, как ты понимаешь, на улице. И мыться только в бане.

Из кухни было две двери: в спальню и в гостиную, назовём её так. Не помню, как называли на самом деле, только там мы обычно ели. Помню не очень большой стол, застеленный скатертью, вокруг — стулья с гнутыми ножками и высокими полукруглыми спинками. В углу телевизор, в другом — не то шкаф, не то какой-то комод. А вдоль стены кровать с великанскими подушками! Серьёзно, я не представляю, что на таких можно спать. Застелена она была покрывалом, из-под которого выглядывала простыня с кружевным подзором. На моей памяти никто там не спал. Стояла не то для декора, не то для гостей.

Из гостиной-столовой можно было пройти в ещё одну комнатку, там всегда спали мы с мамой. Помню широкую кровать и ковёр на стене в тёмных тонах. Я лежала по утрам и разглядывала на нём узоры. Был там ещё трельяж — зеркало тройное и тумбочка под ним, видела такие? Был широкий комод. Позже, когда я читала «Пеппи Длинныйчулок», мне казалось, что у неё был похожий, именно в нём она хранила сокровища. Но думаю, в деревне всё было несколько прозаичнее.

В спальню дяди и тёти я заглядывала редко, сейчас и не вспомню, что там. Столик какой-то, сундук в углу, кровать... Но детали стёрлись из памяти. Помню только, что все полы — кроме пола на кухне — были застелены пёстренькими такими домоткаными дорожками. В «Леруа» сейчас что-то похожее продают. Но, конечно, не совсем такое. Не было больших ковров, а были эти длинные половички, проложенные по основным маршрутам, где-то, кажется, пересекающиеся.

А дом был слегка сумрачным, но тёплым. Кажется, солнце светило только в окошко кухни. Или это я так запомнила? И запах... такой немножко пыльный запах чего-то старого, с историей, но такого уютного, немножко сказочного...

— Хорошо бы съездить в Черноречье...

Мама покачала головой.

— Я даже не знаю, жива ли тётя Тоня. Да и если жива, то кто я ей? Дочка сестры, с которой она не общалась больше тридцати лет. Нет уж, я туда не хочу.

Мама ещё раз взяла пару писем, повертела их в руках, отложила и вышла из комнаты. А я вдруг остро ощутила, что очень хотела бы побывать в той сказке мамино детства.

— Я знаю, что тебе нужно делать! — глаза Светика горели ярче её бус. — Есть такой новый метод — расстановки. Они вообще разные бывают, но те, что с заместителями — это другое. А вот эти, глубинные — ммммм... Просто космос!

Мама приподняла брови и с интересом смотрела на Светика. Та продолжала:

— В общем-то, всё просто. Расстановщик смотрит энергии, которые есть в твоём роду. В нём есть правильные, наполненные фигуры, а есть — мёртвые. Их надо оживить.

— Это уже какая-то некромантия получается, — не сдержалась я. Светикова чушь в этот раз была забавной и не слишком напрягающей. А пирожные, которые она принесла — ммммм...

— Ой, эти твои подростковые подколы, — отмахнулась Светик и продолжала: — Если энергия снова наполнит мёртвые фигуры, ты ощутишь силу своего рода. И всё в твоей жизни сразу же наладится! Расстановки абсолютно безопасны, потому что в твоём поле

работает только сам расстановщик. А фигуры символизируют просто листочки бумаги. Никаких посторонних людей, никак лишних энергий.

Мама слушала Светика с улыбкой, но взгляд её стал грустным. Светик ничего не замечала и продолжала трещать.

— Короче, тебе срочно нужно к Танечке. Я тебе сейчас скину телефон, — она стала быстро кликать на экран смартфона, постукивая длинными фиолетовыми ногтями. — Вот, отправила. Ты ей сегодня же напиши. У неё очередь на две недели вперёд. Это потому, что она в нашем городе лучшая! Она недавно вернулась из Египта, где подключалась к источнику. И теперь она вся прямо светится!

— Она там фосфор ела или пальцы в розетку совала? — продолжила ехидничать я, но Светик не переставала восторженно вещать. Похоже, меня она не услышала.

Тем не менее, что-то меня в этом всё зацепило. Нет, не расстановки, распаковки и прочая эзотерическая муть. А что-то про род и его силу.

Вот почему меня так интересует, куда подевался прапрадед? Он жил сотню лет назад. Мы с ним не могли пересечься в этой жизни даже чисто теоретически. Но почему, почему я так ясно представляю себе Пашеньку, которая проводила мужа на войну, а потом ждала, ждала... и не дождалась?

Я тихо ушла в свою комнату, села за стол и взяла листок. Вот она я. От меня две линии — папа и мама. Папу пока не трогаем. Кого я знаю с маминой стороны? Вот бабушка Саша, в квартире которой мы сейчас живём. Вот дед Серёжа, он умер задолго до моего рождения, ещё где-то в 90-х. У бабушки, оказывается, есть сестра. Мама назвала её Тоней, верно? Значит, Антонина. Их мама Мария. Папа, очевидно, у них тоже был, но я о нём ничего не знаю. И о братьях-сёстрах Марии ничего не известно. Мария — моя прабабушка. Вот я добралась до её родителей — Прасковьи и Якова. Мои прапра. Шикарно. И что мне сделать с этой информацией?

Зачем-то щёлкнула получившуюся картинку на телефон и скинула Насте. Та примчалась через 10 минут, даже не предупредив. Но я ей обрадовалась, конечно. Мамины девчачьи посиделки продолжались на кухне, а наши начались в моей комнате. Я сгоняла на кухню, смастерила бутербродиков, утянула два оставшихся крошечных пирожных и налила нам с Настей по большой кружке чаю.

— Божечки-морожечки, какая всё-таки это древность... Сто лет! И жили же люди, — рассуждала Настя, держа в одной руке мой рисунок, а в другой — надкусанный бутерброд. — Но ты права, что-то в этом есть... интригующее.

— Да, — призналась я, — не отпускает эта история.

— А классно было бы съездить в это Черноречье.

Я вздрогнула.

— Далековато...

— Ну да, Оренбургская губерния. Это где вообще?

— Урал, мама говорила.

— О, заодно горы бы увидела.

Я взяла телефон.

— Хм, смотри. Поиск выдаёт два Черноречья: одно рядом с Оренбургом, другое — в Челябинской области.

— Тебе же сказано: Оренбургская губерния. Челябинск-то тут причём?

— Да нет, ты карту глянь! Речка Уй!

— И... что? Не, ну смешное название, конечно...

— Мама говорила, что Уй течёт аккуратно за домом её тёти!

— Что-то у меня пазл не сходится, — замотала головой Настя.

— У меня тоже, — призналась я.

Ещё разок пролистала страницу вниз, затем вверх, ткнула в несколько ссылок. Оба посёлка имеют славное казачье прошлое. По улицам одного из них разгуливал Емельян Пугачёв (да, не кот начихал, знаменитый посёлок!). В другом восстанавливают (судя по

дате публикации, уже должны были восстановить) форпост восемнадцатого века. Уй течёт рядом со вторым. Но... Челябинск?

Настя снова взяла листок со списком моих предков, откашлялась и торжественно произнесла:

— Уважаемые Прасковья и Яков! Просим нас простить за беспокойство. Но не соблаговолите ли вы нам сказать, в каком из двух посёлков Черноречье вы изволили проживать в начале двадцатого века? Ваша правнучка...

— Праправнучка, — шепнула я, давясь смехом.

— Простите, ваша праправнучка Александра мечтает навестить ваши могилы и прояснить некоторые туманные места вашей биографии.

Настя помолчала, созерцая листочек.

— Не отвечают, — с сожалением произнесла она наконец.

— Ага, представляешь, такой глас с небес бы раздался: мы жили в посёлке Черноречье рядом с... ну, и название города.

Мы покатались со смеху. Хорошо всё-таки, что Настя пришла.

Кому: alex_lit@yandex.ru

От кого: a_litvinoff@yandex.ru

Тема: О звёздах и пингвинах

Саша, привет.

Вот и закончился полярный день на нашей станции. Теперь мы, как белые люди, можем смотреть на звёзды... Не думал, что буду так скучать по нормальной ночи. А вот же, оказывается, скучал. Хотя полярный день всё же лучше полярной ночи. Большие месяца полной темноты — не представляю, как я бы это перенёс.

Так вот, о звёздах. На уровне здравого смысла понятно, что Полярной звезды здесь не увидишь. Но когда разглядываешь собственными глазами Южный крест, ощущения возникают прямо-таки космические.

А ещё здесь видно центр Галактики. Не то чтобы его так просто было разглядеть — всё-таки астрономические наблюдения проводят ближе к центру ледяного континента. Но сам факт, что где-то там, в 30 000 световых лет, находится центр нашего мира... заставляет сердце биться чуточку быстрее.

Ты спрашивала, много ли у нас снега. Так вот, на станции его нет совсем! Дело в том, что «Новолазаревская» находится на оазисе Ширмахера. В пустынях бывают оазисы с водой, а в Антарктиде — участки суши, не покрытые льдом. Конечно, вокруг нас есть ледники. Конечно, мы выезжаем на них, чтобы провести измерения. Но непосредственно на станции снег обычно не лежит. Хотя метели случаются. Такой вот парадокс.

А так — у нас тут камешки, пригретые солнцем. Ни травы, ни деревьев. Только мхи, лишайники да водоросли в озёрах. И пингвины в гости иногда захаживают. Им у нас делать совершенно нечего, еды никакой. Но эти парни крайне любопытны: ходят, глазют по сторонам.

Я один раз наблюдал такую картинку. К установленному здесь символу станции (большой такой круг с названием и силуэтом Антарктиды) подошёл пингвин и принялся его разглядывать. То подальше отойдёт, то почти вплотную встанет. Наклонит голову на один бок, затем на другой. И смотрит, смотрит, будто искусствовед перед картиной. А потом головой покачал, развернулся и пошагал восвояси. Так я и не понял, понравилось ему увиденное или не очень.

В этот раз решил изменить любимым бардам, записал для тебя песенку современного исполнителя. Послушай!

Папа

— Короче, Сандра, результат пока нулевой.

Настя приподняла брови, быстро перевела взгляд с меня на Сашку, обратно на меня и уткнулась в свою чашку латте, пытаясь скрыть улыбку. Сашка смотрел в ноут и продолжал говорить:

— Заглянул сначала на «Память народа». Теоретически, если человек выжил, он мог участвовать в двух войнах. Но совпадений по имени не нашёл. Потом, — Сашка развернул ноут к себе боком, чтобы нам тоже было видно экран, — полистал вот эту солидную книжицу 1926 года издания: «Именной список потерь на фронтах в личном составе рабоче-крестьянской Красной армии за время гражданской войны».

Сделал пару кликов, и на по экрану разбежались столбцы имён с местом рождения, датой и причиной выбытия из воинской части.

— Есть вот такая ещё книжка: «Красные герои». Здесь те, кого наградили орденом «Красное знамя». И вот такая: «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917-1921 годах». Но нигде нужного нам Якова Григорьева я не обнаружил. А жаль, тут во второй про некоторых даже воспоминания есть.

Он развернул на экране скан пожелтевшего книжного листа, где на полстраницы пафосно было написано о каком-то Иннокентии Григорьеве.

— Есть ещё сайт погибшие.рф. Тут вообще про разные войны, даже про Афган и Чечню есть. Самый свежачок — Сирия. Интересно было покопаться. Но и тут ни среди попавших в плен, ни среди вольных казаков его нет. Даже в белое движение заглянул на всякий случай. Понятно, не нашёл.

У меня уже слегка рябило в глазах от быстро сменявшихся друг друга сайтов и книг, а Сашка продолжал.

— Это вот форум ВГД — Всероссийского генеалогического древа. Интересный ресурс, хотя мне в этот раз не помог. Заглянул ещё на форум о Гражданской войне в Сибири, поскольку след теряется здесь. Но вы уже поняли, что и тут ничего нужного нет.

Я смотрела поверх монитора в окошко кофейни. День был пронзительно-солнечный, над деревьями весело синело небо, а блеск снега пытался ослепить даже сквозь стекло. Вот в таких вот сияющих сибирских снегах и пропал мой прапрадед...

— И что теперь? — спросила Настя. — Всё, шансов найти его никаких?

— Ну почему же? — пожал плечами Сашка и развернул к себе ноут. — Я только самые лёгкие пути прошёл. Несколько вечеров за компом — это в серьёзных поисках предков вообще ни о чём. Дальше можно посылать запрос в архивы. Российский государственный военный архив. Сибирские архивы, где может храниться информация о погибших в боях в нужной нам местности. Можно попытаться найти человека по месту рождения. Там, в Черноречье, могли сохраниться церковно-приходские книги. А в них, кроме факта рождения, могли отметить и факт смерти вместе с её причиной. Маловероятно, потому что умер он явно не в своей постели. Но... вдруг?

— Ну всё, Саш, придётся тебе ехать в это таинственное Черноречье, — засмеялась Настя и толкнула меня локтем в бок так, что я дёрнулась и чуть не смахнула со стола свою чашку от чая матча.

— Ага, уже мчу, пятками сверкаю, — сказала я и на всякий случай отодвинула чашку подальше от края стола.

— Ладно, девчонки, я побежал. — Сашка сложил ноут в рюкзак. — У меня турнир в воскресенье, а нам ещё тренировать и тренировать. То я налажаю, то Катька в темп не уложится.

Он натянул куртку и шапку, забросил за спину рюкзак и махнул на прощание. Я невольно проводила его взглядом. Только сейчас вдруг заметила, как легко Сашка двигается, какая у него всегда прямая спина. Танцор, это понятно. Но почему-то я раньше не обращала внимания на то, как он держится.

— Красивый он всё-таки, — невинным голоском пропела Настя. — Глаз не отвести.

— Прекращай нас шиперить!

Я почувствовала, как глупо и неотвратимо краснею.

— Ну признайся, что он тебе нравится. Ну, что такого-то?

— Отстань.

— Александр и Александра. Звучит! — пафосно произнесла Настя и тут же рассмеялась.

— Анастасия и Кирилл — звучит не хуже, — огрызнулась я.

— Ну да, я-то не отрицаю. У нас всё серьёзно, между прочим.

— Что... совсем-совсем серьёзно?!

— Ой, не, ты чего? Мы никуда не торопимся, — мгновенно стусевалась Настька.

Я вздохнула. Слишком уж всего много. Сашка, прапрадед, Черноречье, вечно депрессивная мама, какая-то бесконечная школьная гонка... Очень не хватает папы, чтобы подлезть ему под руку с гитарой и просто слушать, как он тихонько перебирает струны.

Мама задумчиво разглядывала дверцу кухонного шкафчика. Я на всякий случай тоже на неё посмотрела, но огненные письма на деревянной поверхности не проступили. Закинула в микроволновку макароны с каким-то хитрым вкусно пахнущим соусом — мама постаралась, но пока я прибежала с тренировки, всё остыло. Налила себе чаю. Хоть чайник ещё горячий. Села за стол. А мама всё продолжала пялиться на дверцу. Ммм, вкусно!

— Она сказала, — выходя из оцепенения, вдруг медленно проговорила мама, — она сказала, что по мужским линиям у меня — сплошь мёртвые фигуры. И она чего-то там делала, делала...

При этом взгляда от шкафчика мама не отводила.

— И что, ожили? — поинтересовалась я, самым неприличным образом не переставая жевать.

— Угу.

— Некромантия в действии, однако!

Мама ещё некоторое время созерцала пространство, потом резко тряхнула головой, плеснула в раковину остывший чай из своей чашки и налила себе горячий.

— А вообще, это было что-то странное, — она заметно оживилась и стала похожей на прежнюю маму, какой я не видела очень давно. — Как ты себе представляешь эти самые расстановки? Я, честно, ожидала чего-то такого... ну, не магического, конечно... но хотя бы не слишком обыденного. Прихожу — обычная квартира на окраине Бердска. Чистенькая, уютная, но простая. Вот прям проще некуда: мебель типа «Икеи», а может, и оттуда, я не присматривалась. В комнате пара стульев, стол в уголке, шкаф с книжками. И Танечка эта в джинсах, в майке. Из реквизита — только стопка квадратных листочков для записей. У меня такие на рабочем столе лежат. Спрашивает меня, чего я, собственно, пришла. Я говорю, что вот, мол, с мужем отношения не очень, а сейчас он уехал далеко, волнуясь. Ну ок, говорит. Чтобы вернулся он и сразу отношения наладились, надо в моём роду баланс женского и мужского установить. И началось...

Мама вскочила и стала изображать Танечку.

— Сижу я в уголке на стуле — а она по полу бумажки парами раскладывает: мужское, женское, разные поколения. Встанет на бумажку, что-то там почувствует и говорит: живая энергия или мёртвая. Если мёртвая, ещё бумажки раскладывает. И говорит, говорит не переставая. У меня в какой-то момент голова кругом пошла от всех этих родственников, трюродных бабок, умиравших от несчастной любви, да прапрапрадедов, не то юродивых, не то самоубийц. Главное, вижу, человек на своей волне вещает. Здесь, говорит, энергия стоит. Глаза закроет и с серьёзным таким видом вещает: чувствую, плохо было дело. Вот сейчас мы тут поправим, ага, вот, пошла, пошла энергия!

На мамином лице отражалась вся та тяжкая работа, которую для неё (и за её счёт!) проделывала Танечка, а я почему-то представила, что над ней висит душ. Она дёргает за верёвочку — и струи энергии обрушиваются на неё, оживляя всё на своём пути.

— Короче, в какой-то момент, я подумывала уже, как бы мне оттуда сбежать.

Смеясь, мама вернулась за стол.

— И как тебе это удалось?

— Знаешь, как-то вдруг. Танечка взглянула на часы, быстренько сгребла бумажки и сказала, что пора закругляться, скоро следующий клиент придёт.

Я отнесла в раковину грязную тарелку.

— Мне вот интересно, куда она потом эти бумажки деваает? Просто выкидывает? Или устраивает ритуальное сожжение?

— Знаешь, судя по некоторой их обтрёпанности, они многоразового использования.

Мы с мамой встретились взглядами и расхохотались. Давно я не чувствовала себя рядом с ней так хорошо.

— Хорошо бы прапрадед, когда его там оживляли, ещё рассказал, куда он всё-таки подевался, — наконец смогла сказать я.

— Ой, нет! Если б со мной заговорил голос с того света, я бы точно оттуда бежала, роняя тапки.

— А где он, кстати, жил? В смысле, где оно именно, это Черноречье, — спросила я, вспомнив, что так и не выяснила этот момент.

— Не очень далеко от Чебялинска. Сейчас уже не помню, конечно, как мы тогда добирались. Сколько-то на поезде, потом, наверное, на автобусе... А потом — вот это помню отчётливо — дядя Витя вёз нас на телеге уже собственно в деревню.

— Мммм... А почему тогда адрес писем — Оренбургская губерния? Я думала, это район Оренбурга. Или они рядом?

Потянулась за телефоном, чтобы открыть карту.

— Не знаю, — мама пожала плечами. — Но за сотню лет границы же столько раз менялись.

Она заглянула в экран.

— Не ближний свет, конечно, но не так уж далеко. Оренбургская область не обязана быть строго в границах тогдашней Оренбургской губернии.

Ну вот, в пару кликов нашла карту губернии начала двадцатого века. Челябинск входит. Википедия пишет, что в августе 1919 года из Оренбургской выделили Челябинскую губернию. Как всё, оказывается, было просто.

А Пугачёв по улицам, где жили потом мои предки, всё-таки не ходил.

— Ещё хотела спросить... Ты говорила, сестра твоей бабушки там осталась. Антонина... Сергеевна?

— Антонида. Антонида Сергеевна.

— А фамилия?

— Понятия не имею. Девичья фамилия мамы — Ковалёва. Ну, и тётки Тони — тоже. Но она же потом замуж вышла. Да и какая теперь разница? Вряд ли она всё ещё жива.

Глава седьмая

Прошло всего два урока, а я устала так, будто отсидела все восемь, если не десять. Всё-таки ставить подряд физику и геометрию — это жестоко. И две контрольных одна за другой — жёсть-жёсть-жёсть. Поэтому теперь я просто пялилась в окошко, пытаюсь отключить гул в голове и запоздало всплывающие в памяти формулы. Хорошо хоть на географии ничего ужасного нас не ждёт. Вроде бы. Хотя это и не точно.

Я смотрела в серость за окном и вдруг поняла, зачем люди курят. Это такой побег от реальности, попытка хоть на пять минут выключиться из муторной серости будней. Вот она, кучка бегунов, за школу завернула. Будут сейчас пускать серый дым, делая мир вокруг

ещё более мутным. Впрочем, может, они смотрят при этом какое-то своё кино, мне недоступное.

Сашка возник так тихо, что я вздрогнула от его шёпота в самое ухо:

— Поезд до Челябинска идёт сутки. Или самую малость меньше. До Черноречья — три часа на автобусе. Можно подгадать так, чтобы с поезда более-менее сразу в автобус сесть.

Мы отражались в стекле, его голова рядом с моей, так что мне стало одновременно спокойно и чуточку неуютно: что подумают одноклассники?

Загоруйко возник, как глас народа.

— Чё, Литва, Данилов — краш в самое сердечко? Одобряю, чё уж.

Сашка на несколько секунд обернулся. Уж не знаю, что у него там на лице было написано, только Загоруйку сдуло, будто и не было.

— До каникул три недели. Думаю, стоит уже билеты покупать.

— Слушай, ну это как-то...

Я вчера написала Сашке обо всём, что рассказала мама. И про то, где нужно нам Черноречье, и про тётю-бабушку, которая то ли жива, то ли уже нет.

— А что? Не так уж далеко.

— Ты серьёзно предлагаешь мне туда ехать? Да меня там никто не ждёт!

— Не тебе предлагаю, а нам. Не бросать же тебя одну.

— Ещё лучше...

Сашка запрыгнул на подоконник. Я чуть помедлила и села рядом с ним.

— Смотри, у нас не так уж мало вариантов, где искать. Во-первых, — Сашка стал загибать пальцы, — твоя двоюродная бабушка. Деревня маленькая, человек пятьсот всего. Пять улиц параллельно да три поперёк. Все всех знают. Или она ещё жива, или потомков каких-нибудь найдём. Во-вторых, там точно есть какая-то администрация. Поспрашиваем, как у них насчёт старых документов. Ну и, наконец, просто люди. Да, сто лет прошло. Но кто-то что-то где-то слышал, запомнил, детям рассказал... А те нам передадут. Может, в доме твоей бабушки какие-то бумаги остались. Короче, на месте оглядеться — самый лучший вариант!

— Давай начнём с простого. У меня нет денег на билеты. Мама меня никуда не отпустит, даже с тобой. Сама она со мной... да и с нами... не поедет.

— Деньги можно заработать, вообще не проблема. Билет до Челябинска — тысячи полторы, мы же школьники. Ещё рублей пятьсот — автобус. Итого туда-обратно в четыре тысячи каждый укладывается. Плюс еда, плюс ещё какие-нибудь расходы... Ну, тысяч семь-восемь на нос получится. Да мы их с тобой за неделю заработаем! Максимум — за две.

— Ну, положим, сколько-то карманных денег у меня всё-таки есть. Тысяча-две, может, наберётся.

— У меня тоже что-то там подаренное родственниками лежит. Вернусь домой — посчитаю. А остальное — за-ра-бо-та-ем.

— Как?!

Мой вопрос прозвучал одновременно со звонком. Мы соскочили с окошка и рванули в класс, чтобы проскочить раньше географички. Она как раз показалась в конце коридора.

Никакая география в голову не полезет, когда такое происходит... География в жизни, блин!

— Открываем контурные карты, — прогундосила Милстепанна.

Я открыла атлас и одновременно — карту в телефоне. Черноречье. Пять улицы параллельно, три поперёк. И вся эта экономическая география мне стала ещё более глубоко параллельна, чем раньше.

Кому: alex_lit@yandex.ru

От кого: a_litvinoff@yandex.ru

Тема: *Мой самый дальний поход*

Привет.

Раньше я представлял себе, что экспедиция в Антарктиду — это такой долгий зимний турпоход. Ну, то есть я знаю, чем туризм отличается от экспедиций, я же много ездил. Но в голове почему-то упорно возникали образы охотничьей избушки в лесу, костра, котелка с горячим чаем... И снег, снег вокруг.

Реальность оказалась иной. Кто бы сомневался! Снегом нас регулярно заносит, но на станции он быстро тает. Деревья? Не, в Антарктиду таких не завезли. Хочешь чая — пожалуйста, в столовую. Ну, или включи чайник, как нормальный человек XXI века.

А ещё романтика быстро стала буднями. Всё та же работа: измерения, передача данных в институт, и так каждый день. Вечера с играми, книгами или гитарой. Всё одно и то же. Всё будет так, спасенья нет. И такая, ты знаешь, хандра находит...

Я часто представляю, как подхожу к нашему дому, смотрю на окна, а в них — свет. Значит, что вы, мои девочки, уже пришли. Наверное, ждёте меня.

Скоро вернусь и я.

Папа

Вложение: Визбор_Якушева_Перевал.трз

«Робомир» — было написано на растяжке, которая также служила стеной. Роботы-роботы-роботы... И почему-то фото Эйнштейна с высунутым языком. Часть четвёртого этажа ТЦ выделили под выставку, и сейчас мы с Сашкой туда войдём. Никогда не интересовалась роботами и их не любила. Может, пришло время?

— Здравствуйте. Мы к Марине, на собеседование, — сказал Сашка парню на кассе. Тот кивнул, что-то написал в мессенджере и велел:

— Ждите.

Будний день, а народу немало. Дети с родителями, конечно. Но вот какой-то один взрослый мужик покупает себе билет. Бородатый, хмурый... Почему-то и его интересуют роботы.

Марина оказалась невысокой девушкой с рыжей косой, вся в веснушках. Защебетала-зачирикала: она администратор, выставка вчера открылась и будет работать месяц, посмотрите налево, посмотрите направо, а вот тут зона мастер-классов.

— Интересно, — вклинилась я в её речь. — Я бы мастер-классы вела. Это мне как-то ближе, чем роботы.

Марина обрадовалась, будто прямо к ней пришло какое-то чудо расчудесное, которое даже учить ничему не надо. Впрочем, и правда не надо. Что я, слайм не сделаю что ли? Или бомбочку для ванны.

Главное во всём этом то, что за неделю мы с Сашкой заработаем на билеты туда и обратно, а ещё за неделю — на все остальные расходы. Только тренировками придётся пожертвовать. Ну, и школой иногда... Главное, на контрольные попасть, а на остальных уроках уж как-нибудь без нас обойдутся.

Завтра начинаем.

Сразу после уроков заскочили в столовку, перекусили и помчались в ТЦ. Опаздывать нельзя, за это штрафуют! Не хотелось бы терять деньги, даже если они ещё не заработаны.

Вчера Марина включила нас в чат «Робомира». Там она каждый вечер выкладывает расписание на следующий день: кто со сколько до сколько работает, на какой зоне. Напротив фамилии Данилов было написано загадочное: Валера.

Сегодня телефон уже успел раскалиться от болтовни в чате: кто вышел пообедать, кто заменяет, кто вернулся, какие проблемы (зависло, клиент недоволен и требует вернуть

деньги, робот не включается) и как их решить. Ааааа! Куда я ввязываюсь?! Но Сашка был невозмутим. Справимся, говорит. Ну да, какие у нас варианты.

С мастер-классами всё оказалось элементарно. Там с утра уже работала Оля, она мне показала, чего от нас тут ждут. Вот материалы для слайма, смешиваем в таких вот пропорциях. Вот «Космос в бутылке»: пропитать вату разведённой в воде гуашью разных цветов, пересыпать блёстками, запахнуть в пробирку. Бомбочка для ванны. Мыло. 3D-ручка.

Детишки, между тем, пошли буквально толпами! Мы с Олей едва успевали всем показывать и объяснять, что делать. Мне кажется, их всех в YouTube'е забанили. Ну элементарные же вещи! Но их родителям проще заплатить 500 рублей за мастер-класс, чем помочь найти нужный ролик. Ладно ещё когда 3D-ручкой хотят фигурку сделать, она всё-таки не у каждого дома есть. Но слайм... Непостижимые люди. Впрочем, идите-идите, денежки нам на билеты несите!

А Сашка отжигал. Валера оказался невысоким таким роботом, примерно мне по пояс. Через камеру Сашка видел подходящих к нему людей, через наушники слышал, что они говорят, и отвечал, набирая текст на компе. А потом его слова механическим голосом разносились по залу:

— Мороз и солнце, день чудесный! Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять! Не проходите мимо, поговорите с Валерой! Эй, ты такая милая! Улыбнись роботу, подходи, поболтаем. Валера любит обнима-а-а-ашки!

Робот слегка заикался, так что на длинном гласном звуке казалось, что он во время разговора подпрыгивает на кочках, мчась на старенькой машине по просёлочным дорогам.

Когда народ наконец схлынул от нашего стола, я тоже подошла поболтать с Валерой.

— Привет, — говорю.

— Привет. Я Валера, а тебя как зовут?

Он со всеми так, не палиться же, что знает моё имя.

— Александра.

— О, Сандра! Как я рад тебя видеть! Как делишки?

— Задолбалась...

— Работайте, негры, солнце ещё высоко.

— Издеваешься?

— Пилите, Шура, пилите, они золотые.

— Эй, а в глаз?!

— Валера хоро-о-о-о-о-о-оший, — поскакал по кочкам робоголос.

— Угу, просто зайчик, — сказала я и закрыла рукой камеру.

— Караул! Хулиганы зрения лишают! — заверещал Валера. — Включите свет, дышать темно! Ой-ой, бедному Валерочке воздуха не видно.

Я сжалилась и убрала руку.

— Ладно, железякин. Жги дальше. Солнце садится, неграм недолго загорать осталось.

— Чунга-чанга, синий небосвод, — понеслось мне вслед. — Негры-негры, негры круглый год...

Не знала, что Сашка — такой мастер весёлого бреда.

И вот это всё мне предстоит почти каждый день в ближайшие две недели. Почти — потому что на тренировках хотя бы раз в неделю появляться всё же надо, причём и мне, и Сашке. Хорошо хоть серьёзных соревнований пока не предвидится ни у кого из нас.

Солнце марта обманчиво. Закроешь глаза, запрокинешь голову, подставив лицо небу — и кажется, что уже почти лето. Хорошо! Откроешь глаза, тут же зажмуришься от блеска и сквозь выступившие слёзы видишь сугробы... Эх! Летом ещё не пахнет.

Впрочем, запах весны я тоже люблю. Этот влажный волнующий воздух, его лёгкую рябь на сумасшедше ярком солнце... Не хочется ничего, только гулять, гулять. Главное,

одеться потеплее, потому что чуть зайдёшь в тенёк — и холод забирается под куртку, хватая за коленки под джинсами.

Солнце побудило меня идти домой пешком. Лес, мой лес! Ряды сосен с их пятнистыми стволами: то светлее, то темнее, то почти чёрные. И ветки теряются где-то в вышине. Но если посмотреть туда, где синее небо, такой восторг наполняет, такая радость! Люблю, люблю это небо, эти деревья и эту дорогу, ведущую к дому!

Всё сломалось, стоило мне только открыть дверь квартиры. Мама почему-то была дома, хотя обычно так рано не приходит. Рядом с ней сидела Светик, но не сияла всеми своими стеклянными бриллиантами-изумрудами, а повторяла непривычно тихим голосом:

— Ещё ничего не известно. Волноваться рано. Их найдут. Ты, главное, верь в это. Ещё ни-че-го не ясно. Поиски ведутся, тебе же сказали. Их точно найдут. Всех-всех найдут. Я опустила на пол рюкзак и почувствовала запах валерьянки.

— Кого найдут?

— Андрей, — сказала мама, и по щекам потекли слёзы. — Папа пропал...

— К-куда пропал?

Мама беспомощно всхлинула, и Светик сунула ей в руки кружку. Мама сделала судорожный глоток, а Светик ответила за неё:

— Наде сообщили, что пропали несколько участников антарктической экспедиции. Выехали на снегоходе, началась пурга, прервалась связь. Их ищут вторые сутки.

Я столько раз читала в книгах, как у героев подгибались коленки, но впервые в жизни почувствовала, что это значит на самом деле. Не помню, как стянула куртку, кажется, бросила её на пол. Зашла на кухню и села рядом с мамой. Она прижала меня к себе и зашептала:

— Их найдут, найдут. Нам с тобой нужно верить. Давай будем верить.

Завтра — последний учебный день в этой четверти. Послезавтра — наш с Сашкой поезд до Челябинска. Вчера пропал папа. Сто лет назад исчез мой прапрадед. Я взяла мамину кружку и глотнула остывшего чая. Вот что, отказывается, чувствовала моя прапрабабушка. Пустота под ногами. Пустота в голове. Пустота внутри. Пустота на месте человека, который вдруг почему-то пропал из твоей жизни.

Странное слово — оцепенение. Это будто заковали тебя в цепи и не пускают. Хотя куда, зачем? Для чего вообще двигаться, что-то делать? О-це-пе-не-ни-е. Цепкие пальцы схватили за сердце и не дают ему трепыхаться. Вцепились в голову, сжимают. Не пошевелиться.

Настя прибежала сразу после уроков. У меня на школу сил не было, осталась дома. Маме было всё равно, что я прогуливаю. Мне — тем более.

— Есть новости?

Я помотала головой.

— Божечки-картошечки! Ну как так-то? Двадцать первый век, высокие технологии, а человек заблудился из-за какого-то там снега! Просто быть такого не может, чтобы его не нашли.

Я пожала плечами.

Настя плюхнулась на кровать и слегка приобняла меня.

— Я понимаю, что тебе сейчас трудно. Сочувствую, правда-правда. Но ты... держись, ладно? Я рядом, Сашка тоже. Он, кстати, знает?

— Да, написала ему сегодня утром.

— А он?

— Написал в ответ много добрых слов.

— Это хорошо, что он тоже тебя поддерживает. Вместе легче, что бы ни случилось. Но всё обязательно будет хорошо. Я узнавала.

Она виновато улыбнулась, но я вдруг выдохнула и почувствовала, что уголки моих губ слегка дёрнулись вверх.

Я потянулась к столу, взяла два согнутых пополам листа и дала Насте. Она развернула и ахнула:

— Это же завтра! Ваш поезд...

— Ну да. И я не знаю, что делать.

Настя помолчала.

— Давай рассуждать логически. Экспедиция твоего папы пропала, но их ищут. Они находятся на другой стороне земли. Ты можешь как-то повлиять на поиски?

Я мотнула головой.

— Вот и я о том же: не можешь. Варианта у тебя всего два. Или сидеть дома и переживать. Или ехать... и всё равно переживать, конечно. Но так ты будешь делать хоть что-то!

— А мама?

— Она вообще в курсе, куда ты собралась?

— Нет, конечно.

— Ты что, хотела просто уехать, ничего ей не сказав?!

— Я бы оставила записку.

— Миленько... А может, и правильно. Так бы она запретила тебе ехать, а так — ну что она сделает, если ты уже в поезде?

— Я примерно так и думала до вчерашнего дня. Но сейчас... она и так переживает, а если ещё я вот так уеду... Как она перенесёт всё это?

— Да, тяжело тётке Наде будет, наверное. А ты... сама-то ты чего хочешь?

— Я не знаю. Правда не знаю.

Настя помолчала и вдруг тихонечко запела. Что-то на итальянском, кажется. Ни слова не понятно, но мне показалось, что в меня по капельке вливают живую воду. Столько раз видела Настю на сцене, а для меня одной она не пела никогда. Мир слегка затуманился, и я не сразу поняла, что это слёзы.

Мам, привет.

Я уехала. Ты только, пожалуйста, не переживай. Но я решила съездить в Черноречье вместе с Сашей Даниловым из моего класса. Ты не хотела, а мне очень надо.

Я знаю, что сейчас не лучшее время. И знаю, что ты бы меня ни за что не отпустила. И надо было, конечно, сказать тебе раньше. Только я не знала, как это так сделать, чтобы ты меня отпустила.

Я очень тебя люблю. И папу тоже очень люблю. Я за него переживаю также, как ты. Но не могу просто сидеть и ждать.

Прости, мам. Я не буду отвечать на звонки, но буду на связи в мессенджере. Когда ты найдёшь это письмо, мы будем уже в поезде. Надеюсь, интернет будет ловить хорошо. Или перейду на смски, если что.

Ты только не волнуйся, ладно?

Всё будет хорошо.

Вернусь в среду поздно вечером.

Саша

Глава восьмая

Кросс по пересечённой местности в тяжёлых ботинках, в пуховике и с рюкзаком: норматив сдали. Чёрт бы побрал пробки! Ночная метель — и всё, город встал. Когда уже всё растает, а?

Влетели в вагон за две минуты до отправления и застопорились на входе. Во втором купе Очень Большой Мужчина пытался куда-то впихнуть два Очень Больших Чемодана. А в первом купе был пёс!

— Упс, — произнёс Сашка за моей спиной, — в вагон можно с животными. Не отследил, когда покупал билет.

— Какая милота! — выдохнула я.

Маленький рыжий шпиц мельтешил хвостом и звонко потягивал, сидящий рядом мальчишка лет пяти также звонко хохотал.

— Денис, тсс! Лаки, да замолчи ты наконец! — пыталась их урезонить весёлая кудрявая женщина, а сама смотрела на мальчика и собаку с любовью и никак не могла стереть с лица улыбку.

Зато сидящая рядом сухая дама преклонных лет была не в восторге. Поджала тонкие губы и пытается просверлить пса взглядом. Но Лаки плевать хотел на взгляды, у него был мальчик, который трепал его за уши и хохотал.

Наконец пробка из мужчины с чемоданами рассосалась, и мы смогли добраться до своего купе. Ещё один сюрприз: на месте напротив моего лежал толстенький корги. Мы с Сашкой бросили рюкзаки, стянули куртки и шапки и, не сговариваясь, наклонились к собаке.

— Можно погладить? — спросила я хозяйку.

— Гладьте, он добрый, — кивнула женщина и продолжила читать книгу.

— Как зовут?

— Батон.

Коржик оправдал своё имя в первые же минуты. Обнюхал наши руки, дал погладить себя по голове, а потом вытянулся на сиденье, как настоящий батон, и подставил живот: убажайте, двуногие.

За окном медленно проплывал город. Внизу промелькнула так и не замёрзшая до конца Обь. Поезд набирал ход.

Было весело и странно. Я перевела телефон в режим полёта: и чтобы не дёргаться на мамины звонки и сообщения, и чтобы сэкономить заряд, когда сигнал будет нестабильным. Сашка продолжал тискать Батона, а я смотрела в окно.

Люблю поезда. Время безвременья. Время, когда можно честно делать ничего. Я, конечно, в последний момент сунула в рюкзак шерсть и иголки, чтобы свалить Тоторо, если захочется чем-то занять руки, но пока просто смотрела и чувствовала это странное зависание: я еду, но при этом буду парю в невесомости.

В Барабинске включила телефон. Смски оповестили, что мама мне звонила далеко не один раз. В мессенджере сообщение: «Саша, ты где??». Написала в ответ: «Я в поезде. У меня всё хорошо» — и тут же снова отключилась.

Солнце опускалось всё ниже, а я смотрела в окно и не могла насмотреться. То ровное поле снега, то лес, лес, лес. Время от времени мимо пролетали деревни, а может, дачные посёлки. На каком-то полустанке поезд притормозил, и напротив нашего окна оказался идиллический домик, выглядывающий из сугробов, будто из пухового одеяла. Рядом на одиноком дереве суетились толстые чёрные вороны. Но вот и они остались позади.

Мне казалось, что колёса должны стучать, однако поезд шёл на удивление тихо. Интересно, почему так? Проехали мимо стоящего на соседнем пути товарняка, и было слышно, как ритмично, через паузу, ширкает воздух между нашими составами.

Из Омска снова написала маме: «Едем. Всё в порядке».

Окончательно стемнело. Поезд покачивался, и я вместе с ним покачивалась мягко, будто в божьих ладонях. Мне кажется, в поездах всегда снятся особенные сны.

В Челябинске глотнули кофе и прыгнули в автобус. Хорошо, что вокзалы рядом.

Страшно. Божечки, как страшно! Во что я ввязалась, куда я еду? Зачем? Что мы сможем найти в этом Черноречье?

Глаз автоматически выхватывал названия на указателях у дороги. Синеглазово. Коркино. Еманжелинка. Синий Бор. Ненадолго включила интернет, глянула карту. Болото Сосновенькое. Аж умилилась, как ласково. Видно, тот, кто называл, очень любит этим места. Половинка. Ясные Поляны. Привет Льву Николаичу Толстому: у него была всего одна Ясная Поляна, а тут несколько. Троицк — не село, городок! Нижняя Санарка. Черноречье. Приехали.

Сырость облепила сразу и со всех сторон. Странно, в Челябинске я и не заметила высокой влажности. Наверное, просто некогда было. Температура в районе нуля, но холод пробирает до косточек. Даже Сашка поёжился, хотя мне казалось, что он не такой мерзлячий, как я.

Село виднелось через дорогу. От остановки на другой стороне к первым домам тянулась дорожка, некогда, видимо, утоптанная, но сейчас на вид довольно рыхлая. Сашка закинул на плечо рюкзак, натянул поглубже шапку и решительно взял меня за руку. Ну да, чего ждать-то? Идём. Просто идём.

Дома как дома. Ничем не отличаются от частного сектора в Новосибирске или где-нибудь ещё.

А куда мы, собственно? Я не решилась спрашивать Сашку, который шагал по улице и вертел головой по сторонам. Ну, и я смотрела. Такие разные дома: бревенчатые, кирпичные, обшитые сайдингом, заброшенные... Кажется, на всех обитаемых — тарелки спутникового ТВ. Пару раз заметила у ворот машины. Иномарки! Ничего себе деревня. Может, не высочайшего класса авто, но и не убитые жигулята. А Сашка всё шагал.

— Оно, — вдруг произнёс он и свернул к домику с вывеской «Продукты».

А что, логично. В магазине всех знают.

Внутри оказалось тепло, пахло хлебом и чем-то сладким. Женщина за прилавком смотрела на нас с интересом.

— Здравствуйте. Извините за беспокойство, — вежливо начал Сашка. Брови женщины поползли вверх. — Мы ищем одного человека. Её зовут Антонида Сергеевна. Девичья фамилия — Ковалёва, но сейчас, наверное, она другая. Вы не знаете, где нам её найти?

Женщина молчала и смотрела почему-то не на Сашку, а на меня.

— Родня что ли? — она повела подбородком в мою сторону.

Я кивнула.

— Вроде она не помирает... — задумчиво протянула женщина. — Чего приехали-то?

— У нас к ней дело... особо конфиденциальное, — ответил за меня Сашка, чуть понизив голос на последних двух словах.

Женщина изумлённо моргнула и уставилась на него.

— Так вы подскажите, где нам найти Антониду Сергеевну?

— А чего её искать? Дома небось сидит. Улица Набережная, кажись, восемнадцать. Вы сейчас отсюда-то выйдете да по Ленина чутка налево пройдите. А потом по дороге снова налево. Будет улица 70 лет Октября, а следующая — Набережная. Да, восемнадцатый дом. Налево там... У перекрёстка.

Сашка поблагодарил и повернулся к выходу.

— А девка-то кем ей будет, а? Ты-ты, тебя спрашиваю.

— Внучка, — ответила я, не вдаваясь в подробности.

— Похожа, — одобрительно сказала женщина. И вдруг расплылась в широченной улыбке, сверкая золотыми и серебряными зубами.

Чуть налево, прошли, снова налево... В конце улица уходила вниз, и я подумала, что там должна быть река. Вряд ли улица называется Набережной просто так. Снова налево, уже по Набережной. Табличка с номером 18.

Старый бревенчатый дом, палисадник, потемневшие от времени деревянные ворота с калиткой. Мы остановились, и из-за ворот тут же залаяла собака. Ничего похожего на

звонок не было. Сашка оглядел калитку и решительно повернул какую-то задвижку. Дверь отворилась.

— Ты чего?! Разве можно вот так заходить? — удивилась я.

— Нужно, — ответил Сашка и шагнул во двор.

Собака, к счастью, оказалась привязана. Хриплый лай бил по ушам, но пса можно было не опасаться. Я закрыла дверь и поняла, что задвижка снаружи управляет щеколдой внутри. Опустила её на крюк, тем самым зафиксировав калитку. А Сашка уже распахнул дверь дома и поднялся по ступенькам внутри застеклённой верандочки. Ещё одна дверь, обитая изнутри байковым одеялом.

— Холодные сени, не разувайся, — бросил он мне через плечо и шагнул в темноту. Я не торопилась закрывать дверь, чтобы хоть что-то видеть.

А он уже потянул на себя следующую. Я наконец закрыла дверь, чтобы не пускать холод. Кажется, мой страх, помноженный на уличную сырость и хмури, застыл внутри ледяными кубиками, и теперь они постукивали друг об друга внутри всей меня. Сашка тщательно вытер ноги о коврик в сенях и осторожно ступил внутрь. Я потопталась и тоже втиснулась вслед за ним.

Кухня. Слева умывальник — не дачный, как рассказывала мама, а вполне современный: раковина, тумба под ней, кран, трубы. Впереди — стол, плита. Две двери — прямо и слева. А справа — окно.

— Извините, — позвал Сашка. — Есть кто дома?

У меня на секунду мелькнула странная фантазия, что сейчас из комнаты напротив выскочит мужик с топором или дед с ружьём, заряженным солью. Вломились в чужой дом, шумим. Однако распахнулась дверь слева, и из неё показалась грузная пожилая женщина. Ей вслед неслось бормотание телевизора.

— Добрый день, — поздоровался Сашка.

— Здравствуй, — пискнула я из-за его плеча.

— Извините, это вы — Антонида Сергеевна?

— Ну, я, — отозвалась женщина. — А вы чьи будете?

— Саша, — наконец решилась я. — Я Саша, внучка вашей сестры Александры Сергеевны.

Я стянула шапку, чтобы она могла меня получше разглядеть. Мельком глянула вниз. Под моими ботинками расплылась грязная лужа. Чёрт!

— Надькина дочь что ли? — уточнила Антонида Сергеевна.

— Ну да.

— Хороша девка вымахала. Ну заходите, раз пришли. Друга-то твоего как зовут?

— Я тоже Саша, — усмехнулся он. — Но я вам не родственник. Так, за компанию.

Антонида Сергеевна заулыбалась.

— Обувь туда ставьте, в угол. Да не мельтеши ты, сейчас подотру. Одежду свою сюда. Голодные?

Мы с Сашкой одновременно кивнули, и я только в этот момент поняла, что последней моей едой была овсянка из пакетика — ужин в поезде. Кофе на вокзале взбодрил, но желудок уже намекал, что время — даже не для завтрака, а для плотного такого обеда. Мы присели на стулья у кухонного стола.

Антонида Сергеевна уютно захлопотала на кухне. Зажгла газовую плиту, поставила кастрюлю и чайник. Достала из морозилки пакет пельменей — неужели домашних? — и высыпала в быстро закипевшую воду.

— Чуток потерпите, скоро исть будем.

Мы с Сашкой переглянулись и хихикнули этому просторечному «исть».

— Кому в туалет — так то в огород идти надо. В доме только рукомойник. Хорошо! Особенно когда электричество не отключают, без него насос не работает.

Я потихоньку оглядывалась. Рядом с раковиной — вполне современная стиралка. Кухонный гарнитур тоже отнюдь не советского вида. Не знаю, что я ожидала увидеть, но

обыденность предметов почему-то сбивала с толку. В углу поблёскивала белым боком голландка, рядом горкой лежали дрова. Пожалуй, только это и напоминало мне, что я не в квартире, а в деревенском доме. Ну, и газовая плита, наверное. Всё-таки в Новосибирске в основном электрические.

Пельмени пахли ошеломляюще, и я чувствовала, что ещё чуть-чуть — закапаю слюной прямо на стол. Сашка молчал, задумчиво шурился в окно, прямо под которым начиналась крыша какого-то сарая.

Наконец Антонида Сергеевна выловила пельмени гигантских размеров половником, разложила их на три тарелки. Мы с Сашкой набросили на еду, будто не ели неделю. Хозяйка жевала медленно и как-то уважительно, не забывая между тем разглядывать нас с Сашкой. Из комнаты по-прежнему несло журчание телевизора, а на стене мерно тикали часы.

Антонида Сергеевна составила в раковину пустые тарелки, плеснула в кружки кипятка, поставила на стол коробку с чайными пакетиками, вытащила мешок карамелек и пачку простого печенья.

— Ну, вот теперь рассказывайте.

И мы рассказали.

Антонида Сергеевна посасывала карамельку и задумчиво смотрела в окно. Вдруг она резко поднялась, отодвинула стул и бросила, уже двигаясь к двери:

— Скотине задам.

Мы с Сашкой переглянулись. Реакция на наш рассказ была... неожиданной. Накатила обида и злость на себя: и чего ради мы сюда тащились?! Сашка первым обрёл дар речи.

— А можно посмотреть на скотину?

— Смотрите, чего ей сделается.

И Антонида Сергеевна шагнула в сени.

Мы подхватились, суется и мешая друг другу, натянули куртки и ботинки и выскочили следом за хозяйкой.

Когда заходили, я толком и не успела оглядеться, и теперь вертела головой, стараясь в сереющем сумеречном свете рассмотреть двор. Он был небольшим, но полным чудных вещей. На воротах, ведущих на улицу, были развешаны старые галоши и подмётки ботинок. Наискосок через двор стоял сарай, стены которого украшали металлические детали непонятного назначения. Ржавые, кривые, они будто грустили оттого, что стали никому не нужны.

Антонида Сергеевна свернула налево, к сараю, крышу которого мы видели из окна кухни. Это оказался курятник. Хозяйка распахнула дверь, откуда-то из угла извлекла мешок с кормом и принялась сыпать в кормушку зерно.

— Воды принеси, — велела она Сашке. — За дверью там найдёшь.

И кивнула на ведро. Он молча подхватил ёмкость и вышел. Куры сутились, отталкивали друг друга, чуть ли не по головам лезли вперёд, к кормушке. Даром что вокруг было рассыпано немало зерна. Нет, каждая птица норовила влезть вперёд другой.

— Ишь, юзгаются.

Сашка принёс воды, по указанию Антонида Сергеевны вылил в поилку, и мы вышли из курятника.

Следующим был коровник, расположенный в глубине двора. Оттуда доносилось утробное мычание.

— Ну, ну, сейчас, — приговаривала Антонида Сергеевна, подвигая ведро и засучивая рукава. Она присела на низенькую скамеечку, едва коснулась пальцами набухшего вымени, и в дно ведра ударили тугие струи. Рядом с коровой топтался телёнок с пятнышком на лбу. Он беспокойно перебирал передними ногами и вертел головой, будто опасаясь, что ему молока может не хватить.

Откуда-то сверху мягко спрыгнула блёкло-серая, слегка помятая кошка.

— Блохастая, — не поднимая головы, предупредила Антонида Сергеевна. А я только собиралась её потискать.

Кошка застыла возле стоящей у двери миски, разложила хвост вопросительным знаком. Антонида Сергеевна, закончив доить, плеснула молока в миску, а остальное слила в большой бидон.

— А куда вы его потом деваете? Сами используете? — спросила я.

— Сдаю, на что мне одной столько. Есть тут у нас, которые собирают, на молокозавод отвозят.

Последним пунктом программы оказался свинарник. Две упитанные хрюшки лежали в загоне, рядом толклись поросята. Едва хозяйка загремела ведром, пяточки, как по команде, повернулись в нашу сторону и равномерно задёргались. Самые любопытные поросята зашпешили в нашу сторону, и я наклонилась через ограждение, чтобы их потрогать. Но стоило мне коснуться первого влажного пяточка, как одна из свиней вдруг подсочила и с громким хрюком рванула ко мне.

— Охти мне, ты чаво!

Я отскочила, а туша весом килограммов двести, не меньше, впечаталась в загородку так, что та ощутимо зашаталась. Я вжалась спиной в стену, а свинья свирепо смотрела на меня прищуренными глазками.

— Куртка, — сообразил Сашка. — На тебе куртка красная, вот она и бросается, как бык на тряпку.

— Только тореадора не хватает, — выдохнула я. — Ну её, эту живность. Пойду лучше во двор.

Свет на улице стал синим, глубоким. Я остановилась, не доходя до крыльца. Одни ворота вели на улицу. Ещё одни ворота оказалась в заборе напротив, отделяющем двор от огорода. Я осторожно откинула крючок, чувствуя настоятельную потребность прогуляться в маленький такой домик. Тропинка среди сугробов привела туда, куда мне было нужно.

А выйдя, замерла. Передо мной раскинулись подтаявшие, рыхлые, но всё ещё сугробы. По краю огорода тянулись кусты в снежных ошмётках. Ближе к дому росли деревья — яблони? вишни? Над головой кучерявилось тучами небо, в просвете которых посверкивали две звезды. Вспомнилось: «звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс». Они ли это были?

В реальность меня вернул Сашка, который также, как я до этого, спешил в домик с сердечком на двери. Так меня это сердечко умиляло, такой уже по-весеннему мягкий, хоть и ужасно сырой воздух щекотал щёки, так невероятно было оказаться далеко-далеко от дома, в месте, где родилась и росли моя бабушка, прабабушка, прапрабабушка и, наверное, ещё много-много разных пра-, что я шла к дому и улыбалась. А на глазах почему-то выступили слёзы.

«Мам, я в Черноречье. Это космос.»

«Его нашли! Всё хорошо!!! Возвращайся!»

Слёзы полились солёным градом, я даже не пыталась их остановить. А улыбка, кажется, уже не помещалась на лице.

На плите снова гудел чайник, но в кухне было пусто. Я осторожно заглянула в комнату слева — зал, как я определила. Антонида Сергеевна копалась в ящике комода, стоявшем почти рядом с круглым боком печки.

Напротив входа было окно, а рядом стол, застеленный синей скатертью. На столе топорщился нарядными жёлтыми колосками и какими-то колючками букет сухоцветов. В уголке притулился диван под пушистым пледом, рядом стоял платяной шкаф. А в противоположной стене распахнулась дверь в ещё одну комнату.

Я опустила глаза и замерла: вязаные половички. Ровно как те, что описывала мама!

— Антонида Сергеевна...

- Да какая я те Сергевна, просто баба Тоня.
- Баба Тоня, а половички вот эти вы сами вязали?
- Да не, какой сама. В магазине купила.
- А выглядят так... аутентично.

Она хмыкнула и продолжила потрошить ящики. Наконец извлекла какой-то конверт, торжествующе потрясла им над головой, отложила в сторону и беспорядочно скидала в ящик то, что валялось на поверхности комода. Я заметила потрёпанную советскую открытку с жизнерадостным зайцем, пожелтевшие бумажки, какие-то непонятные пластмассовые и металлические детали, проводки и прочий мелкий хлам.

- Айда чай пить. Покажу кое-что, вам точно понравится.

Сашка уже сидел за столом и свайпил по экрану смартфона. Я вдруг поняла, что мне тут и без интернета неплохо. Не хотелось ни в соцсети лезть, ни в ролики на YouTube залипать. Всё это осталось в другой реальности. Связь с мамой есть — и ладно.

Баба Тоня неторопливо разлила по кружкам кипятков, сгрызла одно печенье и наконец заговорила:

— Мой дед Яков Никанорович Кондратьев не вернулся с Гражданской войны. Я с бабушкой много времени проводила, мама-то всё работала. Почтальоншей была, а это тяжело — сумки с письмами таскать, да на телеге в соседнее село ездить, чтобы забрать-отвезти всё, что люди пишут, да газеты там всякие. В общем, нас бабушка растила, та самая Прасковья Степановна Кондратьева. Вернее, она уже не Кондратьева была, а Мельникова. Вышла замуж во второй раз, но Яшеньку своего всё время вспоминала. Душа в душу, говорила, жили, хоть и недолго. Мама моя, Мария Яковлевна, единственной их дочкой была. А дядьки мои и тётки — всё от второго мужа.

Тяжёлое было время. И так есть было нечего, так ещё и раскулачили их. Донесла соседка, мол, излишки у них в погребах есть, надо изъять да дом отобрать. Забрали всё, что было... Бабушка плакала, когда вспоминала. Всё забрали, ироды, всё. Зима на дворе, есть нечего. А у неё-то дитя малое.

Про деда моего разные слухи ходили. Кто-то говорил, что перешёл он на сторону белогвардейцев — потому и раскулачить их надо было. Кто-то — что погиб, героически сражаясь за советскую власть. То, что дед Яков красноармейцем был, дом нам и спасло. Всё-таки осталась дочь, негоже было лишать её дома.

- Что ж тогда и еду этой дочери не оставили? — буркнул Сашка.

— Да соседка та много весу имела. Донесла — пришлось исполнять. А может, ещё почему. Кто ж теперь разберёт. В общем, не знали мы точно, куда дед Яков-то пропал. Точнее, я не знала. А бабушка... молчала. Не знаю, почему. Только добром своего Яшу вспоминала, разговаривала с ним порой. Со вторым-то мужем, Николаем, не слишком счастливо жили.

А потом я нашла вот это, — баба Тоня коснулась конверта, который достала из комода. — Всё думала, почему бабушка об этом письме никогда не рассказывала? Так и не додумалась ни до чего.

Я взяла конверт со знакомым адресом. Почерк другой, более угловатый, резкий. Достала пожелтевший лист. Сашка придвинулся ближе, и мы стали читать.

«Здравствуйте, Прасковья Степановна.

Пишетъ вамъ Ѳедоръ Черепановъ, мужа вашего Якова Никаноровича другъ и сослуживецъ. Сообщаю вамъ съ прискорбiемъ, что вчера 3 числа января 1919 года скончался Яша. Долго и трудно болѣлъ онъ тифомъ, казалось, ужъ на поправку пошелъ, но все же не выдержалъ. Врачи только руками разводять. На все, молъ, Божья воля. И то вѣрно. Мрутъ тутъ отъ тифа люди, какъ мухи. Я выздоровѣлъ. Другъ мой Яковъ не смогъ.

Кланяюсь вамъ, Прасковья Степановна, и скорблю вмѣстѣ съ вами. Хорошимъ Яша былъ человекомъ, надежнымъ товарищемъ и вѣрнымъ мужемъ. Все въ бреду бормоталъ: Пашенька, Пашенька. Упокой Господи его душу.

Остаюсь вашъ покорный слуга Ѳедоръ Черепановъ

4 января 1919 года»

Глава девятая

За завтраком я решила узнать:

— Баб Тонь, Черноречье ведь казачья деревня. А что здесь такого казачьего осталось? Какие-то места особенные или там песни поют, сказки рассказывают...

— Спросила тоже мне. Были казаки, да в советское время кончились все.

— Рассказывали ведь, — пояснил Сашка. — Где-то потом, как на Кубани, казачество возрождали. А здесь, кажется, оно так и осталось историей.

— А вот мы читали про острог, который восстанавливали. Можно на него посмотреть?

— Форпост Волковской, восемнадцатый век, — снова влез Сашка.

Баба Тоня как-то странно хмыкнула.

— Посмотреть вам никто не мешает, только вряд ли вы что-то увидите. Квадрат земли разровняли, кирпичи уложили — да так и бросили.

— А где это, далеко?

— Да нет, сразу за селом. Выйдете — и направо по улице. А там в поле... если сумеете пройти.

За ночь подморозило, и дороги превратились в ледяные буераки. Может, оно и лучше каши под ногами, но идти пришлось осторожно.

Сразу за последними домами раскинулась степь. Да, видна была дорога, но в целом местность, ровная, как стол, вызывала ощущение какого-то внутреннего оцепенения. Не за что зацепиться взглядом.

Сашка уверенно топал вперёд, каким-то чутьём угадывая тропинку. А может, он сам её и прокладывал. По мне, весь видимый глазу пейзаж выглядел довольно уныло и однообразно. Тоже мне Урал, гор даже на горизонте нет.

Наконец Сашка остановился и зачем-то полез в телефон. Снег лежал всё также ровно, ничем не выдавая наличия исторического сооружения, только неподалёку виднелся какой-то занесённый снегом холмик — не то камень, не то ещё что.

— Судя по координатам, мы пришли.

Я ещё раз внимательно оглядела местность перед собой. Ни-че-го. А Сашка уверенно шагнул к холмику и принялся счищать снег.

— Сей знак установлен в память о визите 22 июля 1891 года в Чернореченский посёлок Степной станицы Государя Наследника, Августейшего Атамана Николая Александровича, в будущем Российского императора Николая II, святого царственного страстотерпца.

— М-да, не кот начихал. Казаков не нашли, зато следы Николая Второго — вот они, пожалуйста.

Сашка усмехнулся.

— Такая она, история. Никогда не знаешь, какой сюрприз преподнесёт. Ну что, идём? У нас есть ещё время погулять по самой деревне.

Мы бродили по улицам, разглядывая дома. Вышли к одноэтажному кирпичному зданию школы. Интересно, много ли здесь учеников? Судя по тишине, у них сейчас тоже каникулы.

Случайно обнаружили храм — приземистое голубое строение странной формы. Если б не крест на крыше, я бы и не подумала, что оно имеет какое-то отношение к религии. Рядом с храмом увидели занесённый снегом золотой купол. Он стоял на земле, будто снесённое исполинской Курочкой Рябой яйцо. Наверное, когда-нибудь его поднимут на крышу, и церковь обретёт более канонический вид.

А в остальном — дома, домики, домишки. Редкие прохожие бросали на нас любопытные взгляды, но вопросов не задавали. Мы побродили ещё немножко, и, окончательно замёрзнув, вернулись в жарко натопленный дом бабы Тони.

Я три раза проверила, что положила в рюкзак драгоценное письмо. После обеда нас должен был подобрать автобус, едущий в Челябинск из Чесмы, и в наших интересах было оказаться на остановке заранее, чтобы не проворонить единственный подходящий нам транспорт.

С бабой Тоней прощались тепло, обменялись телефонами. Обещала ей, что попробую уговорить маму летом приехать в Черноречье. Пока лето казалось слишком далёким, чтобы что-то загадывать.

Я перебираю мелкие камушки воспоминаний, нанизываю, как бусины на нитку, детали нашего путешествия. Смешной пёс, который проводил нас от самого дома бабы Тони до остановки и, строго глядя вдаль, дождался автобуса, а на прощание махнул хвостом. Завиток резьбы на наличнике, таком нарядном, будто только вчера его выкрасили свежей белой краской. Улыбка бабы Тони, такая мягкая, но так идущая к её резким движениям. Горячий бок голландки и тихое потрескивание дров. Маковка церкви, помпезная, как Шапка Мономаха, и одновременно трогательная в своей приземлённости.

Поезд уносит меня всё дальше от Черноречья. Я закрываю глаза и пытаюсь представить, что ждёт меня дома. Как отнесётся мама к письму? Когда приедет папа? Но от мерного перебора колёс по рельсам — ровного, без ритмичного постукивания — меня клонит в сон. И там, на границе сна и яви, я вдруг слышу музыку, выпеваемую остающимися за спиной километрами.

Мама была бледная, с синяками под глазами. Она обняла меня и не отпускала долго-долго-долго. Да я и не хотела отстраняться.

Если закрыть глаза и не видеть старые лосины и вытянутую футболку, чуть расцепить руки, чтобы не чувствовать, как мама похудела за последние несколько дней, и уткнуться в мамино плечо, для чего придётся чуточку наклониться, можно почувствовать её запах. Я вдруг поняла, чем пахнет для меня мама столько, сколько я себя помню. Моя мама пахнет ландышами.

Мой сбивчивый рассказ о поездке мама выслушала несколько рассеяно. На предложение съездить летом в Черноречье неопределённо пожала плечами: до этого ещё дожить надо. Но когда я достала письмо, она оживилась. Осторожно достала из конверта листок, зачем-то тщательно разгладила сгиб и только после этого прочитала несколько раз, чуть заметно шевеля губами.

Потом она отложила листок на стол и принялась разглядывать дверцу шкафчика. Я помнила, что ничего интересного на ней проявиться не может, но не удержалась, тоже взглянула. А мама произнесла:

— И что, теперь всё будет хорошо?

— Конечно, будет. Я узнавала.

Через три дня вернулся папа. Он тоже похудел и к тому же обзавёлся густой бородой. А что, ему идёт. Такой прожженный жизнью геолог получился, не офисный планктон, как был до того, а настоящий бродяга-исследователь.

История с исчезновением их экспедиции оказалась каким-то сюрмом. С трагическим, впрочем, моментом. Они, как обычно, выехали проводить измерения группой из трёх человек. Мчали себе на снегоходе к нужной точке и думать ни о чём не думали. А тут вдруг пурга. Чёрт его знает, почему метеорологи проморгали этот момент, не предупредили. Только оказались эти трое смелых в чистом антарктическом поле, которое быстро заносило снегом. Рация не работает, навигаторы тоже. В какую сторону двигаться — непонятно. Один из них почему-то решил, что знает направление, обвязался тросом и пошёл на

разведку, как его ни отговаривали. А потом трос почему-то повис. Ушёл человек в ледяную пустыню.

Двоим повезло. Оказывается, они находились недалеко от базы индусов, и как только пурга чуть улеглась, смогли выйти к ней. Обмороженные, но живые. Пропавшего товарища нашли, но оказалось слишком поздно.

У индусов тоже всё в те дни шло не так. Какая-то фигня происходила с генераторами, замерзали всей базой. К тому же начисто пропала связь, так что даже сообщить о том, что двое выживших находятся у них в гостях, сразу не смогли. Нашли их свои же, когда в панике метались по льдам и буеракам, надеясь обнаружить хоть какие-то следы.

А через пару дней отправили своих потеряшек по домам. Конец сюжета.

— Ты ведь больше не уедешь? — спросила мама.

Папа почесал подбородок, зарывшись пальцами в жёсткие завитки, кое-где поблёскивающие сединой.

— Ещё не решил. Если и уеду, то точно не прямо сейчас.

Мама улыбнулась и расправила складки длинной юбки. Какая же она всё-таки у меня красивая, особенно когда вот так светится счастьем.

Весна началась неожиданно. Ещё утром, пока я ехала в школу, природа не могла определиться с сезоном. А вышла — оказывается, кто-то там, наверху, успел щёлкнуть переключателем, и солнце заработало на полную мощность.

Я стянула шапку, подняла лицо к небу и зажмурилась. Хорошо-то как! На берёзе переливался тоненькими голосами воробьиный хор. Чуть дальше, прямо на осевшем снегу спортплощадки переругивались голосами рыночных торговек две толстые вороны. Наконец одной удалось перекричать другую, и обиженная птица удалилась степенным шагом от своей заклятой подруги. Шапку пришлось надеть. Солнце солнцем, а уши всё-таки мёрзнут.

У самой калитки меня догнал Сашка.

— Идём?

Я кивнула, хотя только что идти планировала домой. Снежно-водяная каша под ногами сильно замедляла передвижение, но почему-то не убавляла радости. Весна, настоящая весна!

Не сговариваясь, мы повернули к Торговому центру. Взяли по стаканчику кофе, присели на лавочку у неработающего фонтана. Однако долго сидеть не получилось: какое-то большое, не помещающееся внутри чувство кружило голову и заставляло двигаться куда угодно, лишь бы только идти.

Мы петляли по улицам молча, лишь изредка взглядывая друг на друга и улыбаясь. Слова казались лишними, когда вокруг было столько звука — щебета птиц, шоркающего пробега колёс машин по тающему в дворовых проездах снегу, хохота детей на площадках. Из распахнутого окна одного из домов доносилась песня флейты, и мы, по-прежнему не сговариваясь, чуть замедлили шаг, чтобы послушать невидимого музыканта. Я снова стянула шапку и сунула в карман. Слегка расстегнула куртку, наконец прогревшись на этом сумасшедшем солнце до самого доньшка.

Я вдруг поняла, куда мы идём. Перед нами лежала дорога к Центру детского творчества. Мы прошли через всегда открытую калитку, потом по дорожке направо. Дворник расчистил её, и на почти сухом асфальте стали видны цветы и листья причудливо выющейся росписи краской, местами стёршиеся за прошедшую зиму.

А за ещё одной калиткой нас ждал мостик над оврагом. Моё чудесное, моё волшебное место, где раньше я всегда бывала одна (редких прохожих в расчёт не берём). Я остановилась посередине и стала смотреть на солнце, которое путалось в лениво шевелящихся на ветерке ветвях. Казалось, что, глядя на нас, оно подрагивает ресницами.

Сашка положил руки на перила с двух сторон от меня. Я чувствовала его дыхание на своих волосах.

— Сандра, — шепнул он.

Я прислушалась к себе. Сердце стучало, но одновременно мне было на редкость уютно и спокойно. Сашка чуть склонил голову. Я закрыла глаза...
Обернуться?..